

Операция «Фроттер» Приказано внедриться!

Алексей Оутерицкий

Алексей Оутерицкий

Операция «Фроттер»
Приказано внедриться!

«Издательские решения»

Оутерицкий А.

Операция «Фроттер» Приказано внедриться! / А. Оутерицкий —
«Издательские решения»,

Недавний выпускник высшей школы милиции оперуполномоченный
уголовного розыска лейтенант Константин Головкин получает задание
внедриться в банду загадочных фроттеров.

Содержание

Часть первая.	6
Глава 1.	6
Глава 2. Больница	19
Глава 3. Новоселье	27
Глава 4. Похороны ветерана	35
Глава 5. Первый рабочий день	40
Глава 6. Рабочие будни.	52
Глава 7. Рабочие будни.	57
Глава 8. Рабочие будни.	62
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Операция «Фроттер» Приказано внедриться! Алексей Оутерицкий

© Алексей Оутерицкий, 2015

© «АО Project», дизайн обложки, 2015

Корректор Лариса Шикина

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Часть первая. Как закалялся опер

Глава 1. Представление нового сотрудника

«Сотруднику следует носить форменную одежду в соответствии с установленными требованиями, чистую и аккуратную, хорошо подогнанную и отглаженную; демонстрировать строевую выправку, держаться прямо, с развернутыми плечами, не сутулиться, ходить твердым, энергичным шагом».

Из статьи 18 «Внешний вид и форма одежды».

Кодекс профессиональной этики сотрудника органов внутренних дел РФ.

Невеликого роста, двадцатидвухлетний худощавый парень нажал ногой в стоптанной кроссовке на педаль, и в унитазе открылось окошечко, через которое стало видно стремительно мелькающее дорожное полотно. Стук колес стал громче, а по стенкам унитаза вялыми струйками потекла ржавая вода.

Константин Иванович Головкин развернулся в тесном пространстве туалета и поднял глаза. Не произошло ничего сверхъестественного. В зеркале не отразился актер Машков, не отразился даже актер Харатьян. Он увидел обычного молодого парня в застиранной белой майке, с обычной внешностью. Если бы зеркало было побольше или Константин Иванович глянул в него под другим углом, он бы узрел еще потертые, пузырящиеся на коленях спортивные штаны. Зрелище, впрочем, не привело его в уныние. В конце концов, за двадцать два года можно привыкнуть к своей внешности, чтобы, глядя в зеркало, не испытывать разочарования.

– Зато ты, Костян, лейтенант, – напомнил он себе и нажал еще один рычаг – теперь уже рукой и снизу вверх. Из крана в умывальник потекла тонкая струйка воды. – Лейтенант милиции... – И, помолчав, не без торжественности повторил: – Лейтенант милиции Головкин! Гр-р-ражданин, пр-р-р-ойдемте!

Сполоснув руки, Константин Иванович снял с плеча вафельное полотенце, и, не отрывая глаз от своего отражения, протер руки. Черт, если бы не этот дурацкий хохолок с левой стороны надо лбом... «Корова языком лизнула», – вспомнил Константин, как говорили про таких в поселке, где он родился и вырос.

Он потоптался и поймал себя на том, что уходить из туалета не хотелось. Возможно, из-за попутчиков. И не то чтобы они были очень надоедливыми, эти симпатичные дед с бабкой, но слишком уж много внимания уделяли они ему, выпускнику милицейской школы, вполне самостоятельному и ответственному человеку. «Костик, съешьте пирожок, это домашняя выпечка, я сама пекла»... «Костик, вы напрасно сидите в кроссовках, ноги должны отдыхать»... «Костик, вот, почитайте газету, там очень интересная статья»... А он никакой не Костик, он лейтенант милиции Константин Головкин, и никакая забота ему не нужна, потому что он действительно абсолютно самостоятельный человек, четыре года проживший без родителей, в казарме, и, мало того, что остался живым, но даже прибавил в весе три с половиной килограмма, что на последнем обследовании в училище зафиксировали бесстрастные медицинские весы. К тому же он будущий полковник, а то, может, и генерал. Так какой же он Костик?

– Генерал Головкин, – представился он своему отражению. – Полковник, я для кого пишу инструкции? Вы что, забыли, что обязаны были выполнить мое распоряжение за номером таким-то еще такого-то числа? Да-да, то самое распоряжение по поводу...

Костик поморщился. Звучало фальшиво – это он определил в точности, поскольку, как-никак, был милиционером.

– Лейтенант милиции Головкин! – строго сказал он и тут же убедился, что это совсем другое дело. Никакой фальши. – Я кому сказал! Пр-ойдемте, гр-р-ажданин! Если вы немедленно не подчинитесь, я буду вынужден принять меры!

В дверь постучали.

– Сейчас, сейчас! – выкрикнул Костик.

– Вас там что, не один?

Он узнал голос проводницы – дородной, средних лет тетке в сером пиджаке с петлицами. У тетки было вечно сонное и обязательно недовольное лицо.

– Почему это? – спросил Костик.

– А с кем вы разговариваете?

– Я... – Костик замялся. – Я сейчас!

Он зачем-то еще раз спустил в унитазе воду и провернул защелку дверного замка. Тетка, помедлив, словно бы нехотя отступила в сторону, давая ему выйти. Потом скользнула по Костику подозрительным взглядом и сказала:

– По двое в туалете не положено. Если только при сопровождении ребенка.

– Да один я там был, один! – с раздражением сказал Костик.

Тетка еще раз смерила его подозрительным взглядом, затем приоткрыла дверь, заглянула в туалет и внимательно все там осмотрела.

– Тогда с кем вы разговаривали?

Костик, не отвечая, отворил еще одну дверь и пошел по потертой ковровой дорожке, слыша, как тетка что-то бурчит ему вслед.

– Константин! – восторженно воскликнула седенькая старушка, будто он был ее внуком, которого она не видела по меньшей мере добрый десяток лет. В следующий момент морщинки на ее лице сложились таким образом, что «доброжелательность вообще» сменилась доброжелательностью с примесью сочувствия. – У вас нелады с желудком?

– Вот еще, – буркнул Костик, усаживаясь на свою койку и вешая полотенце на крючок. – С чего вы взяли? – Его так и подмывало сказать, что он милиционер – словно милиционеры люди особенные и никогда не испытывают проблем с желудком, – но он усилием воли подавил это желание. Он с самого начала поездки запретил себе раскрывать свою принадлежность к органам – он обычный гражданский, и точка. Костик словно назначил себе какое-то испытание, последний экзамен, хотя все положенные экзамены он сдал на отлично и закончил милицейскую школу с золотой медалью, поэтому и был безо всякого блата распределен для дальнейшего прохождения службы в столицу Российской Федерации, город-герой Москву. Хотя в чем заключалось это испытание, Костик и сам вряд ли смог бы сказать. Будто милиционеру проводники подадут более горячий чай или пассажиры пропустят без очереди в туалет... И тем не менее. Аккуратно сложенная новехонькая форма лежала сейчас в большой спортивной сумке, которая, в свою очередь, стояла в железном вместилище под койкой, и он ни при каких обстоятельствах не собирался раскрываться – путешествие инкогнито слегка щекотало нервы, потому что походило на какую-то интересную игру.

– Просто вас долго не было, – вступил в разговор супруг седенькой старушки – пожилой, изрядно облысевший мужчина. – Мы с Надеждой уже начали волноваться.

– Костик, если что, вы не стесняйтесь, обращайтесь, – сказала старушка. – У нас есть закрепляющие таблетки.

– Они хорошо помогают, – сказал старик. – И стесняться действительно нечего. В дороге такое с каждым может случиться. Недаром врачи говорят, что питание всухомятку – вернейший путь к...

– Я просто умыться ходил, – нарочито грубо сказал Костик. Затем демонстративно отвернулся и стал смотреть в окно. Краем глаза он отметил, как растерянно переглянулись пенсионеры. Кажется, обиделись.

Некоторое время они ехали молча, и только старушка периодически чересчур громко, как показалось Костику, вздыхала. Ее супруг тоже чересчур – как опять-таки показалось Костику – громко шелестел газетой и чересчур внимательно штудировал давно прочитанную статью. Ему стало неловко.

– Давайте вашу закрепляющую таблетку, – не выдержав, буркнул Костик, поворачиваясь к пожилой чете.

Старушка просияла, словно выиграла в лотерею, а ее супруг немедленно отложил газету и радостно заявил:

– Люди должны быть внимательными друг к другу. Понимаете, в наше время, с его интернетами и прочими гадостями жизни...

Завелся, – мрачно подумал Костик, искоса наблюдая, как старушка с озабоченным видом роется в сумке, тихо что-то бормоча. Кажется, она не могла найти ту самую таблетку. А ведь, черт побери, придется ее глотать...

Он опять устался в окно и принялся убеждать себя, что такая таблетка ничуть не повредит, а даже будет очень кстати для профилактики. Подумаешь, живот у него не болит. А вдруг заболит? Вот сойдет сейчас с поезда, купит какую-нибудь шаурму, и пожалуйста. А шаурму надо будет купить непременно, – подумалось ему. Это же Москва. А в Москве все непременно должны есть шаурму.

В следующий момент его силой инерции повлекло вперед, и Костик уперся руками в стол – поезд начал притормаживать...

Он брел, закинув увесистую сумку на плечо, и глазел по сторонам. Конечно, ничего необычного, он же не из деревни приехал, но все же... Слишком уж много народу. Черт, как же здесь работать, – вдруг подумалось ему, – это ж поди, найди в такой толпе преступника... Костик с удовлетворением отметил, что в нем говорит не обычный приезжий, а милицкий профессионал, и остро ощутил чувство своей принадлежности к организации. Это показалось ему правильным. «Настоящий милиционер не знает, что такое выходные, не знает, что такое свободное время, не знает, что такое отдых», – вспомнилась ему фраза из какого-то кинофильма. Вообще-то, отдыхать он хотел, и свободное время иметь – тоже. Иначе ведь никакой личной жизни не будет, а это недопустимо – понятие «личная жизнь» для Костика подразумевало прежде всего отношения с девушкой. Неведомой, и оттого заранее еще более прекрасной, чем она, возможно, будет в реальности. До сих пор у него не было девушки, и эту неправильность следовало устранить как можно быстрее, тем более что сейчас для этого имелись все предпосылки – ведь это Москва, где просто неприлично не иметь свою девчонку.

Да вот хотя бы такую, – подумал Костик, когда в людской поток прямо перед ним влилась невысокая – это было для него очень важно, – хрупкая в плечах девица примерно его лет. Она была в обтягивающих джинсах и майке; на плече, на узком ремешке, висела придерживаемая тонкой рукой белая – в тон майке – сумочка. Девушка свернула налево, к одному из выходов из подземного перехода, и Костик, которому вообще-то нужно было пройти дальше и выбраться наверх на противоположной стороне, как-то механически свернул за ней. Очень уж жаль было ему расставаться с ее туго обтянутым джинсами низом – его конфигурация совпадала с представлением Костика о прекрасном абсолютно, на все сто. Это касалось прежде всего плавной кривизны ее ног по всей их длине, а не только в части голени, и – главное – в откровенном просвете в районе интимного места. Наличие такого просвета, как утверждали

его более удачливые в отношениях с женским полом бывшие сокурсники, позволяет сделать вывод, что девчонка очень часто и охотно вступает в интимные отношения. Эта формулировка Костику очень нравилась. «Часто и охотно» – это же, черт побери, просто здорово! Ну, конечно, если в эти отношения она вступает с ним, с Костиком, а не с кем попало, будучи его девушкой...

Мысли Костика поплыли в привычном направлении. А при чем здесь просвет между бедер? – впервые задал он себе вопрос. Он что же, появляется от этих самых отношений? Или, наоборот, это просвет провоцирует у женщин такой образ поведения? Что в данном случае первично, а что вторично?

Но додумать эту неожиданную и очень интересную мысль он не успел.

– Гражданин...

Очнувшийся Костик притормозил и, с неохотой отведя взгляд от обтянутого джинсовой материей зада, столь же неохотно повернулся на голос.

– Это вы мне?

Зачем спросил, он и сам не знал. Было совершенно очевидно, что этот откормленный сержант с наглой физиономией откровенного прохиндея обращается именно к нему.

Проигнорировав вопрос, сержант кивнул на сумку.

– Предъявите.

– В смысле, что в сумке лежит? – вежливо уточнил Костик. У него было прекрасное настроение, которое не мог испортить, наверное, никто, включая какие-нибудь злобные потусторонние силы, не то что этот всего лишь сержант. Кстати, мой ровесник, – подумал Костик с превосходством. – Только я лейтенант, а этот...

– Так будем предъявлять или как? – лениво повторил сержант, не сводя с него прозрачных, навывающих, глаз. – И выйдите, гражданин, из потока. Не видите, народу мешаете.

Остановившегося Костика действительно обходили спешащие по неведомым делам люди. Всего за десяток секунд его вынужденной остановки даже успело прозвучать несколько нелестных комментариев по поводу его умственных способностей.

– А на каком, собственно, основании вы...

– Пройдете сюда... – Сержант перестал многозначительно постукивать дубинкой о ладонь и мотнул головой в сторону пространства между двумя коммерческими киосками за своей спиной. При этом он по-прежнему сверлил Костика водянистыми глазами.

– Волоха, что тут у тебя?

Из-за спины Костика вынырнул еще один – младший – сержант. Меньших габаритов и роста, чем напарник, он говорил с набитым ртом, а в руке держал промасленный бумажный пакет, от которого исходил такой аппетитный запах, что у Костика приятно свело желудок. Шаурма, – с каким-то теплом подумал он. – Та самая, которой можно отравиться, которую не рекомендуют есть выступающие по телевизору врачи. Черт, как он мог забыть о шаурме. Это все та девчонка... Ничего, как только он разберется с этими служивыми, он немедленно купит себе такой же промасленный сверток, и...

– Да ничего, обычная проверка.

– Че, отказывается идти? – азартно что-то пережевывая, невнятно спросил младший сержант. – Так давай его сюда... – И мотнул головой в сторону пространства между двумя киосками.

– Умный, что ли? – проворчал сержант. – Без тебя я б не догадался, конечно... – И добавил уже другим тоном: – Гражданин, пройдетте... Если вы не подчинитесь, я буду вынужден принять меры.

Костик принципиально решил не говорить, что он их коллега, сотрудник органов внутренних дел. Он обычный гражданин, и точка. Интересно, как у них тут с соблюдением законности. Не все же в Москве сплошь оборотни в погонах.

– Ну, пройдемте, пройдемте... – вздохнул он, делая первый шаг к киоскам. Нищий с какой-то табличкой на груди, сидящий за несколько метров от них, прислонившись спиной к кафельной стене, внезапно ему подмигнул, и Костик недовольно отвел взгляд.

– Значит, отказываетесь предъявлять? – уточнил вставший напротив сержант, указав дубинкой на сумку между ними, которую Костик поставил на землю, выбрав место почище. Хотя рядом стоял мусорник, кругом валялись окурки, бумажки и даже несколько использованных презервативов.

– Хотелось бы знать основания, на основании которых... – Костик не договорил, почувствовав, что запутался.

– Умничает! – радостно констатировал младший сержант. Он занял место рядом с Кости-ком. Откусив из пакета что-то с золотистым поджаристым боком, он продолжил жевать, с интересом глядя на Костика.

– Умничаешь? – спросил сержант. Он словно только и дожидался этой подсказки напарника.

– Ничего подобного, – твердо сказал Костик. – Чего в сумку-то сразу лезть. Может, стоило бы в первую очередь документы проверить? Да и самим бы для начала представиться не помешало. Короче, сначала вы должны четко мне объяснить, на каком основании хотите произвести...

Дубинка ткнулась ему в живот, и он болезненно скрючился, схватившись руками за пострадавшее место. При этом он широко раскрывал рот, но никак не мог вдохнуть так сейчас нужный организму кислород. Потребовалось всего несколько секунд такого состояния, чтобы Костик проявил малодушие, изменив решение сохранять инкогнито. Но едва он набрался сил заявить о своей принадлежности к органам, как прямо в его лицо ткнулось огромное колено в форменной черной брючине. В носу что-то хрустнуло, его пронзила острая боль, в глазах коротко полыхнула яркая вспышка, и Костик под неожиданно громко ворвавшийся в уши смех нищего с табличкой, потерял сознание...

– Очухался?

Голос был сочувственным, запах – неприятным, а темень вокруг стала постепенно рассеиваться.

– Вы кто? – спросил Костик, пытаясь сфокусировать взгляд. Человек виделся ему расплывчатым темным пятном, четко воспринимался только исходящий от него застарелый запах мочи. Такой обычно бывает, когда человек в течение длительного времени мочится в собственные штаны.

– За что взяли? – спросил человек, постепенно приобретающий все более четкие черты. Одновременно с этим усиливался запах.

– Где я? – спросил Костик, и вдруг все вспомнил. Окружающее пространство наконец обрело недостающую резкость, и сомнений не осталось. Он находился в самом обычном «обезьяннике» в обществе самого обычного бомжа. – Эй! – закричал он, не вставая со скамейки, потому что чувствовал, что из-за слабости все равно не сможет этого сделать. Его окружали три стены, сквозь решетку со входом виднелась четвертая, но он каким-то нюхом учуял, где находится милицейский «ресепшн». – Эй, кто-нибудь! – Одновременно он шарил в задних карманах джинсов, нащупывая удостоверение. Удостоверения, равно как и бумажника с деньгами, не оказалось. – Э-э-эй, кто-нибудь!..

– Ну пойми, лейтенант, – примирительно повторил уставшего вида капитан, стол которого был завален грудой казенных папок, – это же Москва, здесь и не такое случается. – Он приподнял голову, выпустил дым в потолок и загасил сигарету. Вообще-то в кабинете с небольшой открытой форточкой уже можно было не курить – экономить сигареты, просто вдыхая повисший здесь дым.

– Ну и какое, например? – не без иронии, давшейся ему не без труда, поинтересовался Костик. Он осторожно пощупал пальцами распухший нос и едва не вскрикнул – от боли и отчаяния. Его нос превратился в самую настоящую картофелину, а если вспомнить хруст, который оказался последним звуком, зафиксированным его сознанием в подземном переходе... Наверняка сломана кость. Ну, или хрящ, или что там еще ломается в носу... Но он вдруг вспомнил Пашку Рылеева, чемпиона училища по боксу, его мужественное, изломанное множественными ударами лицо с посеченными теми же множественными ударами бровями, и отчаяние отступило. Костик внезапно подумал, что, возможно, сломанный нос не такое уж плохое дело. А учитывая тот поистине ошеломляющий успех, который имел Пашка у девиц из общежития при местном камвольном комбинате... Интересно, – подумалось мгновенно воспрянувшему духом Костику, – нравятся ли москвичкам мужественные парни со сломанными носами... «Человеку во всем можно и нужно искать хорошее», – не уставал повторять курсантам Сансаныч, отставник, читавший в училище лекции по не входящей в основную учебную программу философии. «А особенно, если этот человек – милиционер. Ибо для выбравших нашу героическую профессию – это наипервейшее правило. Иначе можно попросту сойти с ума от обрушивающегося на нашего брата негатива»... При этих словах он обычно ловко нырял куда-то под кафедру, затем разгибался, резко выдыхал и пил воду прямо из горлышка графина. «Запомните, если вы твердо собрались посвятить себя служению обществу, то должны понимать, что»...

– Ты меня слышишь, лейтенант?

– Я... – Костик очнулся. – Я слушаю, да.

– Я говорю, лучше бы это дело замять, – отведя глаза, повторил капитан и снова закурил. Капитану было около сорока – возраст, в котором Костику, согласно его планам карьерного роста, будучи полковником на генеральской должности, останется только ожидать присвоения очередного воинского звания, чтобы выйти в отставку полновесным, с дубовыми петлицами, генералом. В отличие от него, капитан был явным неудачником, и это не могло не вызвать у Костика некоторого сочувствия.

– И что вы предлагаете? – прогундосил он, опять осторожно пощупав нос.

Вместо ответа капитан снял трубку стоявшего на столе добитого телефонного аппарата, набрал пару цифр и коротко приказал кому-то:

– Ко мне. Оба. Живо.

Не прошло и минуты, как за спиной Костика скрипнула дверь и чей-то виноватый голос неуверенно произнес:

– Разрешите, товарищ капитан...

Кто-то прошел в кабинет и остановился за спиной Костика.

– Проходите, чего застыли! – рявкнул капитан. – Встаньте так, чтобы лейтенант вас видел!

Справа от Костика скользнули две робкие тени. Он повернул голову.

Сержант и младший сержант ничуть не походили на себя прежних, тех, что недавно оставили его для проверки сумки. Они вышли чуть вперед, повернулись к Костику и застыли с опущенными головами, стараясь не встретиться с ним взглядом. Младший сержант опять держал пакет. Даже два. Один – бумажный, промасленный, другой – из полупрозрачного целлофана с рекламной надписью. Внутри было что-то твердое, а по тому, как держал его младший сержант – сжимая за узкий верх, – было ясно, что в пакете находится бутылка.

– Ну что, молчать будем? – опять рявкнул капитан.

– А что мы... ну, это... Чего нам ему говорить...

Спрашивал наглomorдый сержант, угостивший Костика дубинкой в живот. Кто добавил ему коленом, он не знал.

– Ну, к примеру, объясните человеку, на каком основании вы его избили.

– Мы ж не знали, что он из наших, что лейтенант, – промямлил младший сержант.

– Он нам документы не показывал, – подтвердил старший.

– А вы его спрашивали? – спросил капитан. – Или решили сначала в сумку залезть?

Двое переглянулись, затем опять принялись разглядывать пол.

Заметив, что нос Костика опять стал кровоточить, капитан перегнулся через стол и вручил ему еще одну салфетку.

– Лейтенант, а хочешь тоже настучать им по мордасам? – внезапно спросил он.

Рука Костика замерла возле носа.

– Как это?

– А просто. Они будут стоять по стойке смирно, а ты... Сколько влезет, пока сам не решишь остановиться.

Вообще-то, Костику хотелось. Даже очень. С другой стороны, предложенное капитаном было такой дикостью, что просто не укладывалось в голове. Он пошмыгал носом, пробуя его продуть, и отрицательно покачал головой.

– А хочешь, я им сам, прямо при тебе настучу?

Костик посмотрел на него ошалелым взглядом. Вообще-то, в училище его учили совсем другому. Ни в одной из дисциплин не говорилось о подобных способах урегулирования правовых конфликтов.

– Ну, а вы чего стоите, остолопы! – разъярился капитан. – Человек милицейскую школу с золотой медалью окончил, приехал к нам для дальнейшего прохождения службы, ему еще начальству представляться, а вы...

Двое ожили. Младший сержант сделал шаг вперед и сунул Костику пакеты.

– Вот, это вам...

– Мы это... ну, извиняемся, короче, – буркнул старший. – Накладочка вышла, товарищ лейтенант.

– Что это? – спросил Костик, отгородившись от пакетов ладонью. Он подозревал, что в промасленном находится шаурма, но не мог определить это с уверенностью – нос потерял способность воспринимать запахи.

– Ну, компенсация, типа... – пробормотал младший сержант, застыв с протянутой рукой.

– Там коньяк, – вступил старший. – Хороший. Ну, закуска еще...

– Это взятка? – сухо осведомился Костик.

– Нет, что вы! – в один голос воскликнули двое.

– Хочешь дать делу ход? – глухо спросил капитан.

Внезапно обоняние вернулось и Костик ощутил всепроникающий запах шаурмы. Ему так захотелось вцепиться зубами в ее поджаренный бок, что аж свело челюсти.

– Хотя бы до точки, надеюсь, подкинете? – спросил он, и капитан шумно выдохнул.

Младший сержант осторожно вложил в его руки пакеты.

– Крикните там Иванова на выезд! – с облегчением распорядился капитан. Потом посмотрел на Костика и неожиданно подмигнул, напомнив ему недавнего нищего из перехода. – Нормальный ты пацан, лейтенант, – сказал он. – Желаю тебе такой же нормальной службы. И помни... Это, брат, Москва. Здесь ушами не хлопают...

В машине Костик больше вертел головой по сторонам, не слушая словоохотливого шофера, еще одного за сегодняшний день младшего сержанта. Шаурму при нем он есть постеснялся, ну, а коньяк, само собой, отпадал тем более. Еще он старался представить себе будущее место прохождения службы. Ему почему-то виделось внушительное здание, наподобие не раз виденной по телевизору Петровки, хотя адрес, естественно, был совсем другим, кажется, едва ли не на самой окраине города.

– Приехали, – наконец объявил шофер, выезжая на асфальтированную площадку, и Костик, недоверчиво оглядевшись и заметив казенного вида здание, неожиданно для себя радостно закричал:

– Я знаю это отделение! Здесь «Возвращение Мухтара» снимали!

– Да в Москве, в районах, все отделения похожи, – засмеялся шофер. Он остановил машину и протянул руку. – Ну, бывай, лейтенант. Удачи... Эй, пакеты-то возьми! – закричал он, высунувшись из машины.

Костик вернулся, забрал пакеты и решительным шагом двинулся к дверям давно не ремонтировавшегося здания...

Полковник, сидящий в массивном крутящемся кресле, закончил изучать документы, приподнял взлохмаченную голову и посмотрел на Костика тяжелым взглядом красных, словно на некачественной фотографии, глаз.

– Значит, лейтенант, говоришь...

– Так точно! – гаркнул Костик, порываясь вскочить, но был остановлен взмахом огромной, как у потомственного грузчика, лапы.

– Ты это... – Полковник поморщился и потер виски, как делают в фильмах люди, у которых болит голова. – Ты бы не кричал, я нормально слышу.

– Лейтенант, – осторожно подтвердил Костик, когда молчание затянулось.

Полковник давно сидел неподвижно, уставившись в разложенные на столе бумаги, а его ладони подпирали щеки – так в училище Костика спали курсанты на самоподготовке, изображая внимательное изучение конспектов.

Внезапно полковник вздрогнул и, подняв голову, опять вперился в него тяжелым невидящим взглядом.

– Лейтенант, это хорошо... У нас как раз людей не хватает... Ну, а я полковник Бугаев. Иван Александрович. Начальник всей этой, – он неопределенно повел рукой, – конторы. – Заметив, что Костик опять собирается вскочить, он опять махнул рукой, давая отбой. На некоторое время опять воцарилась тишина, затем полковник, задумчиво глядя на Костика, сказал: – С золотой медалью, говоришь...

– Так... – Костик опомнился, виновато понизил голос: – Так точно.

– Ну, а почему в таком виде?

Костик не понял, относится ли это к его стремительно, прямо на глазах – он чувствовал это – распухающей физиономии с красным расплюснутым носом, или к отсутствию милицеской формы.

– Я... Если вы насчет формы, то я...

– А чем это пахнет? – не дав ему договорить, внезапно спросил полковник.

– Это... – Костик замялся. Кабинет давно заполонил аромат шаурмы, запросто проникая сквозь плотную ткань спортивной сумки и столь же запросто перекрывая остальные запахи, в том числе и предельную – примерно как недавнюю, у капитана – задымленность кабинета.

– Похоже на шаурму, – подсказал ему полковник.

– Так точно, – неохотно признался Костик.

– Здесь, в Москве, покупал?

– Здесь, – подтвердил Костик, сочтя, что не стоит рассказывать, каким образом у него оказалась эта шаурма.

– Понятно... Ну, а что насчет физиономии скажешь?

– Да я просто... ну, это... – Костик опять колебался, признаваться ли в произошедшем, не будет ли он выглядеть в этой истории очень уж глупо, или все же... – Дело в том, что...

– Знаешь, дай-ка мне ее сюда, пожалуй, – внезапно сказал Бугаев.

– Что? – Костик растерялся.

– Да шаурму. Дай, говорю, ее мне. Знаешь, из чего ее кавказцы тут делают? Запомни, сынок, крепко... Больше никогда в жизни не покупай подобную гадость. Здесь особые правила проживания. Это тебе не Новопупкино под Старобрюховым, это тебе Москва.

– Вот... – Покопавшись в сумке, Костик разогнулся и протянул замасленный пакет через стол севшему полковнику – оказалось, тот, привстав, следил за тем, что он делает.

– Скажу ребятам, чтобы ее потом выкинули, – объяснил полковник, выдвигая ящик стола и небрежно бросая туда пакет. Затем он извлек из кармана носовой платок и с брезгливой миной вытер пальцы. – Господи, как же эта гадость воняет... А что там у тебя еще было?

Вопрос опять застал Костика врасплох. Вообще-то он думал, что полковник сразу перейдет к разговору о работе, станет вводить его в курс дела, представит будущим коллегам, и к вечеру он уже будет сидеть с сослуживцами в засаде, дожидаясь какого-нибудь современного Фокса, а тут...

– Вы о чем?

– Ну, у тебя там такой прозрачный пакет с бутылкой... Что это за бутылка?

– Коньяк, – признался Костик.

– Коньяк? – брови полковника приподнялись. – Так ты, лейтенант, считаешь, что можешь запросто позволить себе явиться на новое место службы без формы, с расквашенным носом, бутылкой в сумке и закусью в кармане?

– Простите, почему же в кармане, если я... – почему-то зацепился именно за этот несправедливый упрек Костик. – И я могу вам все объяснить. Ну, в смысле, почему я в таком виде, и... – В следующий момент его буквально подбросило на стуле от неожиданности.

– Молчать! – гаркнул полковник так громко, что подпрыгнула и пепельница. Ну, по крайней мере, зазвенела. – Если ты, лейтенант, еще раз позволишь себе перебить старшего по званию...

– Извините, – пролепетал Костик. И тут же поспешно поправился: – То есть, виноват, товарищ полковник...

– Виноват... – прорычал Бугаев. – Еще как виноват! – Некоторое время он тяжело дышал, сверля Костика не менее тяжелым взглядом, затем, что-то, вероятно, решив, хлопнул лапшей по столу. – Значит, так, лейтенант... Бутылку – немедленно сюда! – Он опять хлопнул по столу. – Получишь ее по окончании трудового дня. И запомни на будущее, что сюда, в отдел, спиртное приносить запрещено!.. Сейчас выйди за дверь, обдумай свое поведение. А когда вспомнишь, как нужно представляться по новому месту службы, возвращайся, и начнем знакомиться по новой... Исполнять! – И хлопнул по столу еще раз.

Костик встал, и медленно, чувствуя, как бешено колотится сердце, побрел на ватных ногах к выходу из кабинета.

– Золотой, блядь, медалист... – донеслось до его ушей, когда он уже закрывал за собой дверь...

Оглядевшись, Костик убедился, что в коридоре он один. Ну да, это же второй этаж, крыло, где сидит начальство, поэтому здесь относительно тихо. Опера расположились на первом, через который он недавно проходил – там, естественно, бардак, снующие туда-сюда сотрудники, посетители... Возле окна он узрел высокую урну с зеленой табличкой над ней, на которой была изображена дымящаяся сигарета, и решительно зашагал в торец коридора, к окну. Вообще-то ему не очень хотелось курить, – он и дымить-то начал только в самом конце учебы, чтобы овладеть этой необходимой милиционеру привычкой как раз к началу настоящей службы, – но сейчас это было необходимо. Иначе чем ему еще сейчас заняться. Просто слоняться по коридору? И сколько, кстати, ему нужно провести времени вне кабинета полковника, минут пять? Надо же, выставили, как нашкодившего ученика из класса, разве что за родителями не послали... Черт, но почему он такой невезучий. Ведь это первый день службы. И уже в этот первый день он нашел на свою голову столько приключений, что...

Костик бросил сигарету и решительно зашагал к кабинету с табличкой: «Начальник ОВД Митино г. Москвы, полковник И. А. Бугаев».

– Разрешите?

– Заваливай...

Его новый начальник сидел, откинувшись на спинку кресла. Руки он заложил за голову, и сейчас слегка поворачивался в крутящемся кресле туда-сюда. Против ожиданий Костика, Бугаев смотрел на него нормальным, едва ли не дружеским, взглядом. Подойдя к столу, Костик заметил, что полковник что-то жует, а запах спрятанной в стол шаурмы усилился.

– Садись, чего застыл? – Полковник прожевал, цыкнул, продувая воздухом пространство между передних зубов, и приглашающим кивком указал на стул.

Костик с удивлением отметил, что глаза полковника уже не были красными, а настроение явно улучшилось до такой степени, что создавалось впечатление – еще чуть-чуть, и он начнет весело что-нибудь насвистывать.

– Товарищ полковник, – решив, что нужно срочно исправлять положение – показать себя толковым, восприимчивым к критике сотрудником, – начал Костик заготовленную во время вынужденного перекура речь специальным, давно отработанным в контактах с начальством, бодрым тоном, но был прерван небрежным взмахом руки:

– Отставить... Выпить хочешь?

Костику показалось, что он ослышался.

– Э-э-э... виноват, товарищ полковник, не расслышал. Не могли бы вы повторить?

– Выпить, спрашиваю, хочешь? – повторил Бугаев. Он нагнулся, поднимая что-то с пола, и выставил на стол бутылку коньяка, которую потрясенный Костик немедленно опознал как свою. Коньяка в ней оставалось примерно граммов сто.

Не может быть, – подумал Костик. Все-таки я, пусть и начинающий, но все же сотрудник милиции, и потому не должен верить глазам – а только экспертизам и прочим четко установленным фактам. Так что, возможно, это вовсе не коньяк, а что-то другое, налитое в коньячную бутылку. Как принято писать в таких случаях в протоколах: «жидкость темного цвета». Так же обстоит и с принадлежностью бутылки. Пока с нее не сняты отпечатки пальцев и не установлены их владельцы, стоит придерживаться формулировки: «бутылка, похожая на ту, которую я получил в качестве компенсации за разбитый нос». Да и как полковник мог умудриться выпить четыреста граммов за те пять минут, что я курил в коридоре...

Бугаев тем временем выставил на стол стакан с коричневым осадком на доннышке, бросил рядом промасленный пакет, который тут же разгладил ладонью в блин, а сверху положил кусок надгрызенной шаурмы с отпечатками зубов, по которым с помощью экспертизы можно было бы установить их владельца.

Шаурма, похожая на мою, – механически отметил про себя Костик.

– Ну, так что?

– Что? – тупо переспросил Костик.

– Будешь?

– Н-нет...

– И правильно, – одобрил полковник. Он выплеснул в стакан остаток коньяка, моментально запрокинул голову и через секунду сказал на выдохе, сдавленно: – Это была проверка. Еще не хватало, чтобы мои опера в рабочее время... – Он забросил в рот последний кусок шаурмы и, азартно работая челюстями, спросил, как показалось Костику, с надеждой: – А еще есть?

– Шаурма? – неуверенно пробормотал Костик. – Или коньяк?

– Да что-нибудь.

– Нет.

– Ну, на нет и суда нет, – с легкостью сказал полковник. Явственно повеселевший, он опять откинулся на спинку кресла, опять заложил руки за голову и некоторое время рассматривал Костика с любопытством, словно только что его увидел. – Вижу, из тебя получится хоро-

ший опер, – наконец сказал он, и гордый его оценкой Костик скромно потупился. – Ладно, пойдем, представлю тебя коллегам...

– Раздолбай на раздолбае, – ругался полковник, пока они шли по коридору. – Даже не знаю, как тебя, такого прекрасного парня, золотого медалиста, отдавать моим вурдалакам... Думаешь, это тебе кино, типа «Возвращение Мухтара 2»? Вот, посмотри, как тут все засрало... Ремонт, блядь, небось, лет сто не делали... Разве у твоего Мухтара было так, чтоб без ремонта работать? То-то и оно... А эти... – он понизил голос и кивнул на сидящих вдоль стен гражданских. – Ты только на них посмотри. Нет, ты посмотри, посмотри... Пришли, блядь, за справедливостью... А она есть, эта справедливость? Нет, ты мне ответь, есть она?

– Н-не знаю, – неуверенно сказал Костик.

– Точно тебе говорю, нет ее, справедливости... – Бугаев внезапно остановился прямо посередине длинного коридора, так, что идущий чуть позади, зазевавшийся Костик едва в него не воткнулся и, не обращая внимания на ждущих приема людей, схватил его за грудки. – Я бы, может, тоже хотел ее, этой самой справедливости, да только где ж ее взять! Где справедливость, спрашиваю, лейтенант? – Он тряхнул Костика с такой силой, что у того мотнулась голова. – Ты умный, ты медалист, ты должен знать! Что, и ты не знаешь? Вот я и говорю... – Полковник обмяк, отпустил Костика и вздохнул. Затем поправил китель, повернулся и пошел дальше. – А хочешь, сейчас зайдем в любой кабинет? Вот возьмем и откроем первую попавшуюся дверь!

– Зачем? – не понял Костик, а поскольку полковник опять резко остановился, он едва не ввинтился в него снова.

– А просто так. Покажу тебе, какие здесь разьебаи работают. И скажешь мне, как, по-твоему, я должен с такими управляться. Ты, как-никак, медалист. Да и взгляд у тебя не замылен.

– Но я... – пролепетал Костик, настороженно приглядываясь к полковнику – ему показалось, что тот стремительно пьянеет. – Я, вообще-то...

– Вот и давай, проверим! – обрадовался Бугаев и решительно рванул на себя ближайшую дверь. – За мной!

У вошедшего за полковником Костика изумленно отвалилась челюсть. В кабинете стояло четыре стола – ровно по количеству стен, и за всеми четырьмя сидели сурового вида мужчины в гражданской одежде с переплетениями на спинах и плечах ремешков плечевых кобур. Перед каждым из столов стоял стул для посетителей, но занят на данный момент был один. На стуле возле стола у входа сидел мужчина с окровавленным лицом, который пускал розовые пузыри изо рта с разбитыми губами. Он что-то жалобно мычал, а нависающий над ним оперативник в джинсах и майке с надписью «Пепси-Кола» тряс его за шиворот. Однако даже не это поразило Костика до глубины души. Гораздо большее впечатление произвела на него невозмутимость других сотрудников. Три парня в джинсах и майках как ни в чем ни бывало сидели за своими столами и занимались какими-то делами, словно окровавленный человек в их кабинете – дело совершенно обычное, не стоящее ни капли их драгоценного внимания.

– Ну, будешь еще на органы наезжать? – прорычал оперативник, не замечая вошедшего Бугаева. Он рванул окровавленного мужика за ворот светлой рубашки, раздался треск ткани, по полу звонко запрыгали пуговицы, а мужик сжался и отчаянно замотал головой.

– Что тут у вас, блядь, творится! – яростно взревел Бугаев, и только тогда кабинет пришел в движение.

– Товарищи офицеры! – обернувшись, выкрикнул парень с «Пепси-Колой», и трое, неохотно оторвавшись от своих дел, с ленцой поднялись.

– Отставить! – бросил Бугаев. И не обращая внимания на топчущегося за спиной Костика, ткнул пальцем в окровавленного мужика. – Это кто?

– Товарищ генерал... – торопливо, булькая сглатываемой кровью, заговорил тот, пытаясь подняться, в то время как парень с «Пепси-Колой» удерживал его, нажимая ладонью на плечо, – я свидетель по делу о...

– Это налогоплательщик, – бодро отрапортовал опер.

– Налогоплательщик? Ну-ну... Ладно, продолжайте. Я еще к вам зайду... – с угрозой сказал Бугаев. И, сделав знак Костику, первым шагнул к выходу. – Лейтенант, за мной.

Костик опять поплелся за ним по коридору, размышляя над только что виденным. «Налогоплательщик» – наверняка бандитская кличка, – догадался он и успокоился. Иначе с чего бы полковнику отнестись к произошедшему так спокойно. Хотя, даже если он бандит, все равно, применять к подследственному физические меры, согласно уголовно-процессуальному кодексу...

– Все, приехали... – Бугаев остановился перед обшарпанной дверью, на которой висела табличка «Убойный отдел», потянул за ручку, но дверь оказалась запертой. – Ну вот, вам, блядь, пожалуйста! – свирепо прошипел он, повернувшись к Костику. – А ты говоришь, справедливость... Вот она, твоя справедливость. Знаешь, мне б вместо этих дебилов с десятков твоих Мухтаров, да провести им через бухгалтерию собачью кормежку – с них в десять раз больше толку было б! Вот ты, к примеру, знаешь, чем они там занимаются? – Костик отрицательно покачал головой, и полковник неожиданно успокоился. – Нет? Вот и я не знаю... Да только не тем, чем надо, это точно.

– Может, они на выезде? – попытался вступить за своих будущих коллег Костик, которого заранее вдруг охватило чувство этакой корпоративной солидарности.

– Какой еще, в жопу, выезд, – буркнул Бугаев и долбанул кулаком в дверь так, что посыпалась штукатурка.

– Господин полковник! – внезапно окликнул его старик в пиджаке, на котором висела звезда Героя социалистического труда. Он поднялся со стула и сделал шаг к недовольно повернувшемуся Бугаеву. – Простите, конечно, но я хотел бы знать, до каких пор мне тут еще сидеть.

– Кто вы и по какому вопросу? – поморщившись, спросил Бугаев, стараясь дышать в сторону.

– Я свидетель. Вызван вашим сотрудником, капитаном... – старик полез во внутренний карман пиджака, извлек повестку, затем, из другого внутреннего кармана, извлек очки и принялся разглядывать фамилию. – Капитаном... капитаном, э-э-э...

За дверью кабинета наконец возникло какое-то шевеление. Послышались звуки передвижаемых стульев, затем топот идущего к двери, и полковник, тронув Костика за локоть, указал пальцем на дверь.

– Зайди к ним пока один, осмотришься, а я сейчас. Разберусь тут с ветераном, потом представлю тебя остальным, как положено.

Костик кивнул, а Бугаев, потеряв терпение, выхватил повестку из дрожащих старческих пальцев.

– Ну, чего у вас там?

Тем временем дверь, наконец, приоткрылась, и в образовавшемся проеме показалась голова с растрепанными волосами мужика лет тридцати. Костик отметил, что по щеке явно недовольного мужика протянулась красная складка, какие образуются после сна, если лицо человека долго лежало на неровной поверхности. Мужик сонно моргнул, смерил Костика хмурым взглядом, затем посмотрел на наручные часы.

– Тебя на сколько вызывали?

– Ни на сколько, – признался Костик.

– Так какого хера ты тут... – заорал мужик.

Не успел Костик ответить, как перед его глазами что-то мелькнуло, и он получил такой удар по лицу, что отлетел к противоположной стене и упал на пустые стулья для посетителей. Словно сквозь туман смотрел он на полковника Бугаева, как тот поворачивается с недоумением, будто в замедленной съемке, к двери кабинета, как багровеет в ярости его и без того розовая после коньяка физиономия, как безмолвно раскрывает он рот, кажется, крича

на того, с красной складкой, мужика, как медленно поднимается его огромная лапа, сжимаясь в кулак, как этот кулак летит прямо в эту красную складку тоже раскрывающего рот мужика... И почему-то все это происходит беззвучно, – еще успел автоматически отметить Костик, перед тем как потерять сознание...

Глава 2. Больница

«Сотруднику в форменной одежде не рекомендуется посещать рынки, магазины, рестораны, казино и другие торговые объекты и увеселительные заведения, если это не связано с выполнением служебных обязанностей, а также носить сумки, пакеты, коробки и другие предметы хозяйственно-бытового назначения».

Из статьи 18 «Внешний вид и форма одежды».

Кодекс профессиональной этики сотрудника органов внутренних дел РФ.

– Оклемался?

Костик попытался приподнять голову, но она бессильно упала на что-то мягкое, по ощущениям похожее на подушку. Свет резал глаза и он шурился, пытаясь разглядеть стоящую перед ним девушку в белом платье. Ему почему-то хотелось знать, красивая ли она.

– Где я? – после паузы все же спросил он, хотя, только что, после неожиданного озарения, понял, что находится в палате, а на девушке не платье, а медицинский халат. Она оказалась не красивой и не уродиной – обычной, никакой, что не уменьшало для Костика ее ценности как женщины ни на грамм: у него вообще никогда не было ни одной, даже такой.

– В больнице. Ничего серьезного, – бойко пояснила девица. – Обычное сотрясение с потерей сознания, а я твоя сестра. Будешь принимать таблетки и слушаться врача – выпишут дня через три-четыре... Эй, эй, ты куда? – повысила она голос, заметив, что Костик откинул одеяло и пытается встать.

– В сортир хочу, – пояснил Костик, чувствуя, что мочевой пузырь распирает от скопившейся там жидкости. Пояснил без всякого смущения, потому что голова работала плохо – просто совсем никак.

– Под кроватью утка, – сказала девица. – Сам потом достанешь. А подниматься будешь, когда врач разрешит. Все, я пошла... И не вздумай нарушать режим! – остановившись в дверях и повернувшись, строго предупредила она. – Иначе... – Она не договорила, вышла.

Костик опять бессильно откинулся на подушку, почувствовал, как отозвалось болью в голове, и поморщился. Значит, к теперешнему состоянию еще придется привыкать. И в первую очередь нужно усвоить, что не следует совершать резких движений. Особенно головой. Но не успел он додумать эту мысль, как глаза закрылись и его стало безудержно клонить в сон... Как бы не обоссаться, – мелькнула еще одна, уже последняя перед окутавшей его мягкой темнотой мысль. Вот будет позорище. Как-никак, милиционер, лейтенант, золотой медалист...

– Очухался?

На сей раз голос был мужским, сиплым – такой мог принадлежать человеку, злоупотребляющему алкоголем и прочими жизненными излишествами, это Костик моментально определил с помощью стремительно обострившейся интуиции. Ведь он опер, а это налагает и обязывает.

Он приподнял голову и осторожно повернул ее вбок, на голос. Койка рядом была пустая, а на следующей лежал мужик, который с интересом смотрел на Костика. Заметив, что его заметили, мужик откинул одеяло, бодро поднялся и, обогнув незанятую койку, сел на нее с другой стороны, лицом к Костику. У мужика было худое небритое лицо и бинты вокруг головы.

– Эк тебя разукрасили, – радостно сказал он. – На улице нарвался? Дело обычное. Сейчас шпаны много, это, брат, Москва... Сам-то откуда?

– С чего ты взял, что я не москвич, – недовольно поинтересовался Костик, но мужик промолчал, только усмехнулся. – Это не шпана, это меня в милиции так, – зачем-то честно сказал он, когда молчание затянулось.

– Ни хрена себе! – сказал мужик опять радостно, словно факт избиения соседа по палате в милицейском учреждении здорово его вдохновил. – Значит, менты уже перестали стесняться, они нас уже прямо в своих участках калечить стали!

– Кого нас? – спросил Костик.

– Ну, обывателей.

– Да нет, я сам милиционер, – сказал Костик, чем поверг мужика уже в полнейший восторг.

– Надо же! Значит, вы в своих участках уже между собой деретесь!

– Да нет, это случайность... Долго объяснять, – сказал Костик, чувствуя, что у него опять начинает болеть голова, а говорить становится трудно. – Я потом расскажу... – И чтобы мужик не обиделся, не заподозрил, что он не хочет с ним общаться, спросил: – А почему койка пустая?

– Эта? – мужик похлопал по койке, на которой сейчас сидел, потом пару раз качнулся на ее пружинах своим иссушенным телом. – Так ведь известное дело. Вынесли парня ногами вперед, вот коечка и пустует.

– А что с ним было? – чувствуя, что у него неприятно похолодело в животе, поинтересовался Костик.

– С ним-то? – Мужик уже просто сиял. – Так известное дело. Сказали, что ничего особенного, что простое сотрясение с потерей сознания, что через три дня выпишут... А потом – ногами вперед из палаты. Небось, уже зарыли где-нибудь на заднем дворе, а оформили, будто он самовольно отсюда утек. У них ведь, как у ваших. Отчетность, статистика...

Костик почувствовал, что неприятный холодок в желудке окреп. Он опять с усилием приподнял голову и осмотрелся. Палата оказалась шестиместной. Кроме него и мужика, в ней находились еще трое, плюс эта зловещая пустующая койка. Остальные спали, натянув одеяла едва не на самые головы, будто в палате было холодно, и спали почему-то беззвучно – из троих не храпел никто. Вся эта картина отчего-то отозвалась в чреве Костики очередной порцией холодка.

– А что, здесь всегда все спят? – спросил он, вспомнив, что несколько раз приходил в себя, и каждый раз его окружала абсолютная тишина. Кстати, сколько он уже здесь? Кажется, около суток...

После его такого простого вопроса мужик повел себя странно. Он быстро огляделся и прижал палец к губам.

– Здесь везде уши, – шепотом сказал он. – Надо говорить очень тихо.

– Уши? – с недоумением переспросил Костик.

– Это спецклиника, – торопливо заговорил мужик, склонившись к нему, – здесь отработывают на пациентах новые лекарства. Этим вкололи убойные дозы какой-то гадости, вот они и спят. Уже третьи сутки, без перерыва... Так что, если хочешь жить, старайся не принимать ничего, даже если тебе скажут, что это простые витамины. Понял? Ни-че-го! – раздельно повторил мужик и опять огляделся. – Я здесь уже неделю, и жив только потому, что все лекарства, заглатываемые под контролем медсестры, потом выплевываю в раковину...

Костик некоторое время недоверчиво смотрел на мужика, переваривая полученную информацию, затем с неожиданной для себя неприязнью сказал:

– Я спать хочу... – Он с усилием перевернулся на другой бок, к стене, чтобы не видеть рожу мужика, которая вдруг стала казаться ему неприятной, и закрыл глаза. Ощувив внезапно тяжесть в мочевом пузыре, он вспомнил, что до сих пор так и не помочился. Костик опустил руку, и принялся не глядя нашаривать под кроватью утку...

– Просыпайся, к тебе пришли...

Некоторое время сонный Костик с обожанием смотрел на заурядной внешности медсестру, затем кивнул.

– А кто пришел-то? – опомнившись, выкрикнул он, но сестра уже удалилась, а в палату бодрым шагом вошли сразу трое в накинутых на плечи халатах. Первый, самый высокий и здоровенный, с небольшим, но четким шрамом над правой бровью, держал в руке увесистый на вид пакет из плотного целлофана, остальные пришли налегке.

– Ну, здравствуй, герой, – как-то неуверенно сказал детина и, оглядевшись, спросил: – Эта койка что, свободная?

Костик, не отрывая от мужика глаз, молча кивнул, вспоминая, где же он этого детину видел. И, честно говоря, было на что посмотреть. Огромный лиловый синяк, охватив глаз, расплылся дальше, оккупировав добрую половину его нагловатой физиономии, вторая половина была залеплена медицинским пластырем. Выглядел он примерно как и сам Костик, которому медсестра недавно приносила по его просьбе зеркало. Для довершения картины левая рука детины болталась на перевязи, и при каждом движении он непроизвольно морщился... Двух других, не столь колоритных, Костик видел впервые, это точно.

Трое тем временем разместились на пустующей койке, и некоторое время молчали, явно не зная, с чего начать разговор.

– Это тебе, – спохватившись, сказал детина, и здоровой правой рукой протянул Костику звякнувший чем-то стеклянным пакет. – Ну, и здравствуй, конечно, – опять спохватился он, и, поставив пакет на пол, протянул теперь ладонь.

Двое тоже осторожно пожали слегка приподнявшемуся на локте Костику кисть, затем опять наступила неловкая пауза.

– Давай-ка я тебе подушку поправлю, – сказал детина, заметив, что Костику неудобно лежать, напрягая шею.

Он привстал, и здоровой рукой заботливо, хоть и неловко, взбил Костику подушку, подложил ее так, чтобы ему было удобно общаться с гостями, затем сел и опять замолчал. Наконец, расположившийся по центру плечистый крепыш с носом-картофелиной, легонько подтолкнул его локтем в бок, и детина, прочищая глотку, прокашлялся, как делают люди, собирающиеся, но не решающиеся заговорить. Затем почесал пятерней затылок и как бы нехотя пробормотал:

– Ты это... ну, извини, короче. Случайно так вышло.

И только после этих слов Костика осенило. Он вспомнил, где этого детину видел – только тогда по его щеке, которая сейчас была залеплена пластырем, пролежала ярко-красная складка.

– Так это ты... – тоже пробормотал он.

Теперь разом заговорили все трое.

– Понимаешь, мы тогда как раз всю ночь в засаде просидели, – сказал третий, самый щуплый, с тонкими губами, комплекцией примерно с Костика, что он отметил не без удовлетворения, – домой решили не возвращаться – куда домой под самое утро, если скоро уже на работу собираться пора...

– Решили поспать часок прямо в кабинете, – словно подхватывая эстафету, продолжил плечистый, – ну, кто-то забрался на стол, кто-то сдвинул стулья, прилегли...

– А тут как раз ты, – закончил детина, и опять почесал затылок. – Ну, я спросонья не разобрался, вот и... Но ты тоже виноват, ты же не сказал ни хрена, что ты наш новый сотрудник!

– Ага, – пробурчал Костик, чувствуя, что сейчас это можно себе позволить, что сейчас ему вообще все можно – это завтра или послезавтра этот детина станет его начальником, и тогда... – А то ты мне дал хоть слово сказать.

– Ну, извини еще раз, – пробормотал детина, и приложил ладонь к сердцу. – Нам ведь тогда даже этот час толком поспать не дали. Набежали посетители, стали в дверь молотить...

– Все стучат и стучат... – опять подхватил эстафету крепыш.

– Лезут и лезут... – закончил третий, комплекции Костика.

– Да, извини... Я ж не представился... – Детина опять протянул руку: – Капитан Сергеев.

– Старлей Приходько... – Это был крепыш.

– Старший лейтенант Ванин...

– А где тебя так разукрасили? – спросил Костик, когда повисла очередная неловкая пауза. – Тоже в засаде?

– Да нет, это Батя. Ну, за тебя...

– Батя?

– Ну, Бугаев, – пояснил Ванин.

– А-а-а, точно... – Костик вспомнил, что видел перед тем, как окончательно отрубиться, и кивнул.

– Да ты б в зеркало на себя тогда посмотрел, – словно частично оправдывая свои действия, сказал капитан Сергеев. – Ну как по такой роже не звиздануть, если она в кабинет к тебе лезет...

– Ладно, проехали, – сказал Костик. – А что там? – Он указал глазами на пакет.

– Это для ускорения поправки, – пояснил Приходько. – Ну, мы тут скинулись, раз уж такое дело вышло...

– Ты пей, не сомневайся, – быстро взглянув на часы, подытожил капитан. – Там коньяк. Настоящий, не паленый, из дорогих... Ребята, все, погнажи. – Это он бросил уже своим. – Нам в засаду скоро, еще подготовиться надо... – Это опять предназначалось для Костики. – Короче, не болей, лейтенант...

Вошла улыбающаяся медсестра.

– Все в порядке?

Костик вспомнил предупреждение соседа по палате, и улыбка сестры внезапно стала казаться ему фальшивой. Он настороженно смотрел, как она выкладывает на его столик разноцветные таблетки, затем спросил:

– Это что?

– А все, – бойко ответила сестра. – И лекарства, и витамины – полный комплект. Будешь исправно глотать – через три дня выпишешься.

– Ногами вперед? – буркнул Костик, и сестра посмотрела на него с недоумением:

– Что-что?

– Ничего, – опять пробурчал он. Затем сгреб таблетки в пятерню и бросил все в рот. А когда сестра вышла, поспешно выплюнул все в свою утку...

– Оклемался?

Голос был знакомым. Открывший глаза Костик несколько секунд рассматривал склонившегося над ним человека, затем резко откинул одеяло и попытался вскочить, но мощная лапа осторожно, но сильно надела ему на грудь.

– Ты чего, медалист, распыгался... Тебе лежать положено. – Полковник Бугаев обогнул его кровать и бухнулся задом на жалобно скрипнувшую койку. – Свободная?

Костик кивнул. Некоторое время он смотрел на Бугаева, не решаясь спросить, затем все же набрался смелости и одними губами прошептал:

– Товарищ полковник...

Бугаев посмотрел на него с недоумением, но все же подался вперед, склонился над Кости-ком, и они стали похожи на двух заговорщиков.

– Чего? – тоже прошептал Бугаев.

– А это правда, что отсюда всех пациентов выносят ногами вперед? Ну, что это специальная клиника, в которой на больных испытывают новые лекарства и применяют не опробованные методы лечения?

Нависла короткая, пропитанная все тем же недоумением пауза. А в следующий момент Костик едва не оглох от громового хохота, которым разразился Бугаев.

– Ты... ты с чего такое взял, медалист... – утирая слезы, поинтересовался полковник. – Это же ведомственная МВД-шная больница... Мне, между прочим, не так-то просто тебя сюда

определить было. Здесь сплошь старшие офицеры лежат, а ты, мало того, что лейтенант, мы ведь тебя даже оформить толком не успели...

– Да я... – Костик внезапно все понял и со злостью посмотрел на мирно спящего долго-вязого с бинтами на голове.

Перехвативший его взгляд полковник тоже мгновенно все понял, и не поленился встать. Он неспешно обогнул койку, зашел к спящему с другой стороны и всмотрелся в его лицо.

– Кажется, я его знаю, – сказал он, вернувшись. – Если не ошибаюсь, это майор Вершинин, из Кировского РОВД. Известный весельчак и любитель розыгрышей.

– А почему те беспрестанно спят, словно мертвые? – глухо спросил Костик.

Полковник опять проследил за его взглядом и пожал плечами.

– Скорее всего, просто отсыпаются. Здесь же сплошные менты. Где им еще отдохнуть от службы и жен, как не в больнице... – Он посмотрел на наручные часы. – Ладно, мне пора. Я всего-то на пять минут заскочил. Уж больно с тобой несуразно все как-то вышло... А это у тебя что?

Услышав, как звякнуло стекло, Костик скосил взгляд и обнаружил, что нога полковника зацепила оставленный операми пакет. Он совсем о нем забыл и уснул, даже не засунув пакет в тумбочку.

– Это... это, товарищ полковник...

– Ого! – Глаза догадавшегося Бугаева недоверчиво округлились. – Лейтенант, ты что же, опять за свое взялся?

– В смысле? – выдавил из себя Костик.

– В смысле, даже в больнице не можешь обойтись без коньяка и закуси... – Полковник выгреб из пакета бутылки и расставил их на тумбочке. Его глаза явственно заблестели. Он еще покопался в пакете и вынул теперь несколько крупных апельсинов.

– Это опера принесли, – поколебавшись, выдал Костик своих новых коллег. – Компенсация как бы...

– А-а-а... ну, тогда ничего. А я уж было подумал, ты и здесь продолжаешь.

– Да я, товарищ полковник, вообще не пью.

– Это правильно! – одобрил тот, не отрывая глаз от бутылок.

Внезапно за дверью послышались легкие шаги, и Бугаев быстро спрятал все в тумбочку. В палату заглянула медсестра.

– Головка, вам надо отдыхать, – строго сказала она.

– А я что делаю? – с нарочитой ворчливостью огрызнулся Костик. Сестра Лена как бы взяла его под усиленную опеку, и ему это очень нравилось.

Лена окинула взглядом полковника в форме, поколебалась и ничего не сказала. Дверь захлопнулась.

– Опера, говоришь... – задумчиво проговорил Бугаев. Тумбочка словно притягивала его массивное тело. Он пересел к ней поближе, положил сверху ладонь и принялся постукивать по крышке пальцами.

– Так точно... – не зная, что сказать, подтвердил Костик.

– Знаешь, он может быть паленым, – наконец сказал Бугаев. – Не дай бог мой новый опер отравится – никогда себе этого не прощу... Надо бы провести экспертизу. Стакан есть?

– Только этот. – Костик кивнул на белый пластиковый стаканчик возле ладони полковника, из которого недавно пил сок.

– Годится... – Бугаев решительно раскрыл тумбочку, извлек коньяк, в момент расправился с пробкой, набулькал полный стакан, запрокинул голову, крикнул и посмотрел на Костика повлажневшими глазами. – За что я тебя люблю, опер... – сказал он, – так это за адекватное восприятие действительности...

– Что, уже обед? – удивился полковник, заметив, что медсестра вкатила нагруженную тарелками тележку. Он сидел красный, распаренный, словно после хорошей бани, фуражка и китель были небрежно брошены рядом, на койку, а коньяка осталось уже полторы бутылки. Соседи Костика по палате ходили на цыпочках, стараясь им не мешать... – Хорошая дивчина, – одобрительно бросил Бугаев, рассматривая удаляющуюся сестру. – Ты, опер, не тушуйся, бери ее за те самые места, и, как только выпишут, волоки к себе домой. А то и прямо здесь под одеяло затяни. Можешь считать это приказом...

– Кстати, о жилищном вопросе... – начал Костик, радуясь, что разговор сам собой подступил к насущной для него теме. – Ну, насчет, как вы говорите, домой... Мне ведь, как сотруднику, общежитие полагается. А с этой чертовой больницей я...

Полковник остановил его взмахом волосатой лапищи.

– Подожди, опер... – Он посмотрел на размазанную по тарелке кашу и сглотнул. – Значит, насчет жилища... – Он хотел продолжить, но опять посмотрел на кашу и внезапно спросил: – А почему ты не ешь? Остынет ведь.

– Да ну ее, – скривив физиономию, сказал Костик. – Второй день уже давлюсь. Все каша, каша...

– Я должен лично проверить, чем тут травят моих лучших оперов, – сказал полковник. Он решительно схватил алюминиевую ложку, и не более чем через минуту тарелка заблестела, словно была вымыта каким-нибудь рекламируемым чистящим средством. – Ты прав, дрянь какая-то, – проворчал полковник, облизывая ложку. – А еще нет?

Костик развел руками. Тут раздался очередной звонок, которых Бугаев принял сегодня уже немереное количество, и на сей раз он, не глядя, кто звонит, просто отключил телефон и засунул его в нагрудный карман рубашки.

– Значит, насчет жилища, – скручивая пробку с третьей бутылки, повторил полковник. – Считаю, опер, тут тебе здорово повезло... Короче, нам буквально на днях выделили деньги на явочную квартиру. Представляешь? Годами бомбардировали министерство запросами, получали от них исполненные под копирку отписки, а тут... А ужин у вас тут скоро? – внезапно спросил он.

Костик посмотрел на часы.

– Через час.

Полковник тоже посмотрел на часы.

– Черт, забежал, называется, на минутку... Ну да ничего. Разве для грамотного руководителя может быть что-то более важное, чем работа с подчиненными.

– Вы насчет квартиры что-то хотели сказать, – осторожно напомнил Костик.

– А, точно! – Полковник хватанул стакан, закусил долькой апельсина и продолжил: – Так вот. Учитывая необходимость заботы о молодом пополнении, я принял решение... – Он выдержал паузу и просто, без пафоса, сказал: – Будешь вселяться, короче.

– Спасибо, товарищ полковник! – выкрикнул не ожидавший такого щедрого жеста Костик. От возбуждения он хотел встать, но был остановлен жестом Бугаева. – Неужели настоящая квартира? И мне ничего не придется за нее платить?

– Ничего. Ну, только за свет, газ, воду и прочие коммунальные услуги. Правда, квартира не отдельная, на такую выделенных министерством средств оказалось недостаточно. Это коммуналка, но, как мне доложили, всего с одним соседом. Думаю, уживешься.

– Конечно, уживусь, товарищ полковник! – с энтузиазмом воскликнул Костик.

– Ну, и не следует забывать, что по документам эта квартира все-таки числится как конспиративная, для встреч с агентурой.

– А что это значит?

– Значит, что периодически наши сотрудники будут встречаться на твоей жилплощади со своими агентами. Ничего страшного, просто время от времени тебе будет предлагаться

погулять часок на улице, только и всего. Я же со своей стороны постараюсь, чтобы такие встречи происходили как можно реже. Пусть наши опера встречаются со своими осведомителями по каким-нибудь кафе и паркам, как и раньше. А то и вообще не стану им говорить, что квартиру, наконец, выделили. Живи спокойно. Нравись ты мне, ну что тут поделаешь! – Полковник хватанул еще один стакан и обрадованно уставился на вкатившую тележку медсестру. – Ага, вот и наш ужин приехал...

Костик посмотрел на развалившегося на свободной койке Бугаева, вышел в коридор и тут же наткнулся на спешащую куда-то медсестру.

– Ты куда? – спросила она, остановившись.

– Покурить.

– Смотри, – строго сказала Лена. – Тебе ходить рановато еще.

– Ага, завтра выписывают, а ходить все рановато, – пробурчал Костик, который из всех сил старался походить на тертого, битого жизнью опера. Он смотрел вслед сестре, пока та не скрылась за углом, затем побрел на лестничную площадку, где стояла специальная скамейка для курения.

Там, говорят, женская душевая, – вспомнил Костик от кого-то услышанное, глядя на обшарпанную стену. И его мысли тут же приняли обычное в подобных случаях направление. Фантазии о женщинах вообще занимали практически все время его бодрствования... Эх, – мечтал, затягиваясь сигаретным дымом, Костик, – хорошо бы сейчас оттуда выбежала красивая, абсолютно голая девчонка. Нет, лучше не совсем девчонка, лучше пусть она будет постарше. Да, точно, такая, лет тридцати, опытная, с мокрыми распущенными волосами и изумительными ногами... «У меня украли одежду, господи, что делать! Мужчина, вы не могли бы мне помочь...» И тогда он... А что, кстати, он? Костик закурил еще одну сигарету. Как любой еще только начинающий курильщик, с чистыми пока легкими, он мог скурить их несколько штук подряд... А он... А он подойдет и накинёт на дрожащую от холода женщину свою больничную куртку из пижамного комплекта. Потом обнимет ее... Нет, он стиснет ее грубо за талию, чтобы она почувствовала силу его рук. Точно! Он стиснет ее дрожащее тело и скажет: тебе повезло, крошка, что ты наткнулась на меня, лучшего опера Москвы, пострадавшего при задержании особо опасного. Короче, если ты просто хочешь согреться, носи мою куртку, я не буду в претензии, даже провожу тебя до твоей палаты. Если же ты хочешь любви... Нет не так. Если же ты хочешь настоящей животной любви с настоящим крепким мужчиной, который познал и горечь утрат, и...

Додумать он не успел. Внезапно в коридоре раздалось шлепанье босых ног, и на площадку стремительно выбежала абсолютно голая женщина с мокрыми распущенными волосами и длинными загорелыми ногами. Прикрывая грудь ладонями, она посмотрела на Костика безумными глазами и простионала:

– Мужчина, у меня украли одежду! Господи, кому могла понадобится моя больничная одежда, и что мне теперь делать!

Из пальцев Костика выпала сигарета. Он таращился на женщину, не в силах сообразить, что ему предпринять.

– Я... ты... если ты хочешь любви с крепким... – Он попытался встать, но ватные ноги не позволили ему это сделать. – Я... животной любви...

Женщина смерила его невидящим взглядом, развернулась и опять убежала в коридор...

Костик брел к своей палате и чувствовал, как сильно дрожат колени. Галлюцинация, – убеждал себя он. Это немудрено. Если человека приложить головой, как приложили меня... Если он, к тому же, выбрасывает в утку назначенные врачом таблетки, если он даже не ест кашу, а просто лежит и смотрит в потолок...

Услышав за спиной внезапно зазвучавшие возбужденные голоса, Костик остановился и прислушался. Он сразу узнал голос тараторящей Лены: «Представляешь, мылась в душе,

а кто-то над ней подшутил! Бежит по коридору совершенно голая, шарахается от всех подряд!» Что ответил Лене другой голос, он не расслышал. Раздался веселый девичий смех, и Костик, сплюнув, побрел по коридору дальше. Зайдя в свою палату, он вдохнул заполонивший ее алкогольный перегар, посмотрел на богатырски храпящего полковника Бугаева, разметавшегося на соседней койке, и лег на свою, накрывшись одеялом с головой. Пошло оно все к черту...

Проснувшись ночью от звука звонко бьющей о железо струи, он не сразу сообразил, что это полковник мочится в его утку. Остро запахло алкоголем.

Черт, как бы он меня случайно не обоссал, – озабоченно подумал Костик. В темноте-то да спьяну... Он, не поворачиваясь, бесшумно натянул одеяло на голову и принялся вспоминать ту, голоногую. Черт, как же это он опростоволосился. Лучший опер Москвы, вашу мать...

Глава 3. Новоселье

«Нормы и правила служебного этикета предписывают сотруднику воздерживаться от употребления напитков, содержащих алкоголь, накануне и во время исполнения служебных обязанностей; курения табака в общественных местах, образовательных и иных государственных учреждениях, во время несения службы, а также на ходу и в движении; беспорядочных половых связей».

Из статьи 8 «Общие правила поведения».

Кодекс профессиональной этики сотрудника органов внутренних дел РФ.

Костик позвонил еще раз, и, убедившись, что открывать ему никто не собирается, только сейчас удосужился прочесть, что написано на табличках под двумя кнопками звонков. «Крылов Б. Е. – 1 зв.», «Винкель А. В. – 2 зв.». Так... Крылов, очевидно, это мужик, который съехал. Полковник, кажется, называл какую-то простую фамилию. А Винкель... Что же это за Винкель такой. Костику представился вредный мужик в шляпе и с длинными пейсами, из этих, в черных сюртуках, которые не жрут свинину и прикидываются жутко набожными. Он пожалел, что не слушал полковника внимательно. Он до того обрадовался новости про квартиру, что тут же принялся, естественно, фантазировать, как будет водить в нее девиц. Лучше бы позаботился о ключе, – раздраженно подумал Костик. Хотя нет, ключа у полковника почему-то не было. Ну да, точно. «Сам разберешься, лейтенант», – вот как он тогда сказал. «Неужели мой лучший опер не договорится со вторым жильцом по поводу какого-то сраного ключа. Считай, это дополнительная проверка твоих деловых качеств, медалист».

Дверь отворилась так резко и неожиданно, что Костик испуганно отпрянул. Перед ним стояла женщина в халате почти до пят, с бледным, без косметики, лицом, и бигуди в волосах слегка неестественного рыжего цвета. Наверное, она бесшумно прокралась по коридору и какое-то время рассматривала ничего не подозревающего Костика в глазок, поскольку до момента открытия двери он не слышал ни звука. Лет женщине было где-то пятьдесят. Он скосил глаза вниз и обнаружил, что обута она в мягкие домашние шлепанцы с помпончиками на носках. Ног фактически не было видно, только изящные лодыжки. Конечно, он предпочел бы видеть вместо нее девчонку в коротком халатике и на высоких каблуках, но...

– Может, вы окажетесь столь любезным, что сообщите о цели вашего визита? – сухо спросила вскинувшая подбородок женщина. Кажется, она перехватила взгляд Костика, и эти его разглядывания ей не очень-то понравились.

– Я... это... – пролепетал он, злясь на себя за то, что опять предался каким-то грезам и, естественно, перестал контролировать ситуацию, в то время как настоящий опер не имел на такую небрежность права. – Я новый жилец, – сделал голос твердым, сказал он. – Хочу видеть этого, как его... – Он метнул взгляд на таблички. – Винкеля, вот. – Костик опять опустил глаза на ее лодыжки и через секунду его охватил еще один приступ злости – он почувствовал, как к паху прилила кровь. Член моментально отвердел и в стремлении подняться уперся в штаны. Черт, надо немедленно заводить девчонку, иначе...

Незнакомка поджала выразительных очертаний губы.

– Винкель перед вами, – сказала она. – И если вы новый жилец, то должны иметь ключ.

– Подождите! – вскрикнул Костик, вдруг осознав, что она собирается захлопнуть перед его носом дверь. – Я... – Он лихорадочно соображал, что бы ему такое сказать, чтобы переубедить женщину закрывать. – Я из милиции!

– Я знаю. И что? Вам должны были выдать ключ.

– А то, – внезапно по-настоящему разозлившись, что опять проявляет слабохарактерность, а еще больше оттого, что затвердевший член уже давит на материю трусов так, что даже

появилось болезненное ощущение, нарочито грубо сказал Костик. – Извольте подчиниться, барышня! – И мысленно заплодировал себе за эту «барышню» – Вам удостоверение показать, или, может, еще лучше, пистолет?

Губы женщины опять поджались. Она смерила Костика уничижительным взглядом, развернулась и молча удалилась вглубь квартиры. Пока он, закрывая дверь, разбирался с замком, жиличка, очевидно, уже скрылась в своей комнате, и через минуту Костик опять оказался в затруднительном положении: не считая трех дверей, ведущих в сортир, в ванную и кухню, в коридоре было еще три двери жилых комнат, а какая являлась его, он не знал. Он просто не заметил, за какой из дверей скрылась его соседка, а табличек на них, естественно, не было.

Некоторое время Костик стоял, напряженно вслушиваясь, но не уловил ни единого звука, способного подсказать ему, в какой из комнат находится сейчас его соседка. Почему-то стараясь ступать бесшумно, словно проводил какую-то секретную операцию, он прошел по коридору, и наугад, повернув ручку, толкнул от себя ближайшую дверь. Через секунду перед ним предстала голая по пояс госпожа Винкель. У Костика безвольно отвалилась челюсть. Вместо того чтобы извиниться или быстрее захлопнуть дверь, он стоял, остоленев, и пялился между полами распахнутого халата, помимо воли шаря глазами по небольшой, но очень привлекательной груди. По правде сказать, это была первая женская грудь, увиденная им в натуре... Продолжалось это около двух-трех секунд, а на четвертую, сделав решительный шаг вперед, Винкель закатила ему такую пощечину, что у Костика потемнело в глазах. Дверь, на внутренней стороне которой оказалось зеркало – причина, по которой соседка здесь стояла, – захлопнулась, и еще несколько секунд Костик стоял неподвижно, чувствуя, как у него подкашиваются колени и – черт бы побрал! – еще сильнее пульсирует и без того твердый член. На ватных ногах он добрел до кухни и, не снимая с плеча сумки, бессильно брякнулся на первый же подвернувшийся стул.

– Хотя вы и милиционер, я бы попросила вас соблюдать порядок. – Язвительный голос раздался над самым его ухом, и Костик вскочил от неожиданности – эта стерва с помпончиками опять подкралась совершенно бесшумно! – Дело в том, что вы сидите на моем стуле, – прошипела Винкель.

Ничего не отвечая, Костик осторожно протиснулся мимо стоявшей в дверном проеме Винкель, и побрел к предположительно своей комнате. Он наперед знал, что она, естественно, заперта, а ключа у него, так же естественно, нет. И что ему в этой ситуации делать, совершенно не представлял. Он сделал несколько шагов по полутемному, давно требующему покраски стен коридору, и остановился перед дверью комнаты, которая теперь номинально принадлежала ему, но в которую еще надо было как-то попасть. Третью дверь он сбросил со счетов, потому что в уголках ее косяков пауки уже успели сплести паутину, полковник же говорил, что мужик, живший до Костика, съехал совсем недавно. Довольный своими дедуктивными талантами, Костик даже слегка повеселел. Но тут же, заметив, что застывшая в проеме Винкель продолжает за ним следить, с трудом подавил желание выругаться. Повернув голову, он посмотрел на соседку многозначительно, надеясь, что его немой вопрос «какого хрена ты тут стоишь и пялишься на меня» она поймет правильно, но чертова баба и ухом не повела. Все так же неподвижно она стояла, и все так же неотрывно смотрела. Костик осторожно повернул дверную ручку, нажал. Как и следовало ожидать, дверь не поддавалась. Он опять повернул голову к Винкель, посмотрел на нее с нескрываемым раздражением.

– Закрыто, – зачем-то сообщил он, хотя только что дал себе обещание не говорить ни слова – пусть эта стерва думает, что хочет. В конце концов, у него права на часть кухни и другие удобства, и он может на своей территории делать что угодно. К примеру, засесть на кухне или в сортире, ходить по коридору, сесть в нем на табуретку, если она не принадлежит Винкель... – У меня ключа нет, – теперь зачем-то добавил он, и прозвучало это уже совсем жалко.

– Кто бы сомневался, – сказала чертова соседка все так же язвительно. Кажется, для общения с ним она выбрала определенный тон и не собиралась от него отказываться. – Но вы же милиционер.

– И что? – искренне не понимая, куда она клонит, буркнул Костик.

– Ну так и откройте без ключа, как это делают ваши в кино.

Конечно, она откровенно издевалась, хотя, честно говоря, Костик и сам думал о чем-то подобном. Единственное, что его останавливало – он отдавал себе отчет, что сделать это не так-то просто. Слишком маленькая у него масса, чтобы запросто высадить дверь плечом. Да и разогнаться здесь негде. А если бы даже и было, где, разве можно было налетать на чертову дверь с наскока под взглядом этой карги. Вот, небось, было б ей веселье... Кстати, с какого хрена она вообще торчит дома? Время, вообще-то, рабочее. Похоже, она нигде не работает. Тогда на какие средства живет? Костик быстро, по-милиейски, как бы видя себя со стороны и испытывая гордость за свою хватку, прокрутил возможные варианты. Криминал, существование на средства любовника, работа время от времени? Для настоящей прокачки у него не было достаточно данных. Пробить бы эту суку всерьез, через базы данных и опрос знакомых...

– Вы что-то сказали? – спохватившись, спросил он. Черт, надо же, зафантазировался.

– Я спрашиваю, долго вы собираетесь тут стоять?

– А вам-то что? – нарочито грубо сказал Костик и выругал себя за это. Мальчишество. А он все же офицер. И вообще. Настоящий опер должен уметь устанавливать контакты хоть с самим чертом, а он не может найти общий язык с какой-то Винкель. Так, что мы имеем... Надо признать, довольно миловидна. В молодости, наверное, была вполне ничего, даже красивой, да и сейчас, честно говоря, совсем не выглядит увядшей – скорее наоборот... Черт, опять встал член. Надо бы его поправить, но ведь эта сука не отводит от него глаз... Так, что еще. Обстановка в квартире, насколько он успел отметить за считанные мгновения, пока не получил по роже, обычная, без шика, но и не полное старье, которое разве что выбросить и забыть. Подпольным производством или сбытом наркотиков занимается вряд ли, разве что хорошо маскируется. Так, что еще... Бандерша? Тоже вряд ли. Хотя... Черт, мало, мало у него для этого данных. Думай, лейтенант, думай... – Что вы сказали? – Очнувшись, он в очередной раз выругался про себя. Опять замечтался, сыщик. Разоблачитель, мать твою. Какая, в жопу, бандерша, какая, в жопу, сбытчица наркоты. Может она и вовсе отставная балерина – они, кажется, выходят на пенсию едва ли не к сорока, вот она и сидит теперь дома, мается от безделья.

– Я спросила, долго ли вы собираетесь здесь стоять, – терпеливо повторила чертова баба.

– А вам что за дело?

Разговор, похоже, пошел по кругу. Да и какой это разговор.

– Я, знаете ли, не привыкла, чтобы где-то в коридоре моей квартиры болтался незнакомый человек, – сухо пояснила Винкель.

– Я здесь тоже не посторонний, я здесь живу, – в тон ей ответил Костик. Он подошел к Винкель и опять протиснулся мимо нее, потому что эта стерва и не подумала посторониться. – Где здесь моя территория? – Поскольку столов на довольно просторной кухне было ровно два, а его согнали со стула, стоявшего возле двери, можно было сделать дедуктивный вывод, что стол дальний, тот, обшарпанный, покрытый газетами, возле которого красовалась табуретка, на вид словно принесенная со свалки, и является его собственностью. Третьего стола не было, зато вон, кажется, место, где он недавно стоял. Ну да, на полу даже отпечатались четыре темных квадратика от его ножек. Дедукция... – Не дожидаясь ответа, он прошел к своему месту, и хотел было брякнуться на свою табуретку, но, подумав мгновение, опустился на нее очень и очень осторожно. И не зря, потому что она скрипнула и заметно покачнулась – Костик даже едва не вскочил, потеряв на миг равновесие. Единственное, что его удержало от этого – боязнь нарваться на какое-нибудь язвительное замечание со стороны этой чертовой бандерши-балерины.

Та некоторое время смотрела на него, поджав губы, затем неопределенно хмыкнула, и так и осталась стоять, сверля Костика изучающим взглядом. Даже на свой стул не присела.

– Есть хотите? – неожиданно спросила она.

Это действительно прозвучало настолько неожиданно, что старательно отворачивающийся от нее Костик не мог не повернуть головы.

– Нет, – сказал он, чувствуя, как в желудке его сок едва не прожигает стенки своего вместилища. Последний раз он ел вчера, в больнице, это было жидкое картофельное пюре. Он уже сто раз пожалел, что отказался от комковатой манной каши на завтрак. Сейчас бы он умял ее, наверное, порции три, пусть она вся бы состояла из сплошных комков, да только кто ж ему даст. Надо было купить хотя бы шаурмы по дороге, да вот опять что-то не сообразил.

– Борщ, – словно не слыша его, сказала Винкель. – Такой густой, наваристый, домашний. – И, словно решив окончательно его добить, закончила: – С мясом, конечно.

– Я... – пролепетал Костик, уже почти ощущая, как растекается этот мясной борщ по его пищеводу, – я... Мне бы инструменты. Ну, чтобы комнату вскрыть. У вас нет чего-нибудь подходящего?

Кстати, таким образом заодно и словно невзначай пробьем ее на наличие специфических инструментов для взлома, – похвалил себя за вдумчивый подход к создавшейся проблеме Костик. Молодец, опер!

– Если милиционеры не считают излишним мыть руки перед едой, равно как и после посещения туалета, попрошу вас проследовать в ванную, – опять не слушая его, сказала соседка, предполагаемая бандерша и организатор сбыта наркотиков. – Можете воспользоваться моим мылом. А поскольку полотенца у вас наверняка тоже не имеется, можете вытереться таким синим, оно на батарее висит, там увидите...

Через двадцать минут отяжелевший Костик откинулся на спинку стула, на который его любезно усадила госпожа Винкель, посоветовав побыстрее выкинуть ненадежную табуретку съехавшего из квартиры Крылова Б. Е., и вздохнул. Он умял две огромные тарелки борща с мясом и чувствовал себя как удав, набивший брюхо целой стаей отборных кроликов.

– Спасибо, – сказал он и замялся. Не называть же ему эту славную отставную балерину по фамилии. Похоже, вряд ли она являлась бандершей или главой наркомафии; внезапно прозревшая милицмейская интуиция твердо подсказала ему это. – Спасибо, э-э-э...

– Аделаида Вильгельмовна, – подсказала ему балерина.

Ни хрена себе, – чуть было не вырвалось у Костика. Разве есть такие имена, да еще в сочетании с такими отчествами.

– Спасибо, Аделаида... Вильгельмовна, – послушно повторил он и солидно представился: – А я лейтенант милиции, Константин Иванович Головкин... Что такое? – с недоумением спросил он, когда услышал веселый залихватистый смех.

– Ну какой вы Константин Иванович, – еле выговорила Аделаида Вильгельмовна. – Посмотритесь в зеркало. Вы же Костик!

Костик хотел было объяснить, что он целый лейтенант и оперуполномоченный уголовного розыска, причем убийного отдела, но осадить эту женщину, причастность которой к торговле живым товаром и наркотиками все же, пожалуй, оставалась под вопросом, он не успел. Коридор заполнили звуки звонков, причем, определить, кому они предназначались, не было возможности. Двойные, одиночные, длинные и прерывистые – они заставили развеселившуюся так неожиданно Аделаиду Вильгельмовну нахмуриться вновь. Жестом остановив начавшего подниматься Костика, она направилась в коридор, а он, поколебавшись, двинулся за ней. Реакция соседки, посмотревшей в дверной глазок, его насторожила – Костик пожалел, что не имеет при себе оружия. В который раз уже он подумал, что работники правоохранительных органов должны ходить с пистолетами не только в служебное время, и непонимание таких элементарных истин не делает чести руководству МВД.

Аделаида Вильгельмовна обернулась, посмотрела на него неуверенно, затем шелкнула замком и отступила в сторону. В следующий момент Костику показалось, что у него начались галлюцинации, но, одновременно, с этим, пришло облегчение. К ним в квартиру не вломился преступный элемент – в коридор, покачнувшись, грузно ступил полковник Бугаев в сбившейся набок фуражке. Не надо было обладать опытом работника спецмедслужбы, чтобы сразу понять – шеф Костика изрядно пьян. Его лицо было красным, движения размашистыми, а коридор мгновенно наполнился густыми алкогольными парами.

С откровенным удовольствием обозрев соседку Костика с ног до головы, он с грациозностью медведя склонился и, не успела Аделаида Вильгельмовна отдернуть руку, как к ее кисти с громким чмоканьем приложились губами. Соседка покраснела и попыталась высвободиться. Полковник тем временем метнул в Костика строгий взгляд, и так же строго сказал:

– Чего стоишь, лейтенант? Принимай гостей.

– Я... Иван Александрович, я...

– Не понял... – Бугаев отпустил руку Аделаиды Вильгельмовны и тяжело задышал, продолжая сверлить Костика все тем же строгим взглядом. – Новоселья что, разве не будет?

Теперь покраснел Костик. Он как-то и не подумал, что полковник может запросто зарулить к нему в гости. Хотя, чего там. Ведь он сам и выхлопотал ему эту квартиру.

– Я... товарищ полковник, я... – опять жалко залепетал он. – Понимаете, моя комната оказалась заперта, а ключи... – Он собрался с духом. – А ключей вы мне так и не дали.

Какое-то время полковник не отводил от Костика недоуменного взгляда, а тот старался выдержать его, не моргнув.

– А ломать не пробовал, опер? – наконец с усмешкой поинтересовался Бугаев. – Замок потом новый поставишь, всего и делов. А можешь и этот оставить. Подремонтируешь потом дверь, и все.

– Да я...

– О, господи, ну вот что с такими делать, – словно апеллируя к Аделаиде Вильгельмовне, сказал полковник. И, вздохнув, опять с удовольствием окинул опять зардевшуюся соседку Костика откровенным мужским взглядом. – И это мой лучший опер... Ладно, показывай, где твоя конура.

Костик подвел его к своей комнате и неуверенно сказал:

– Я, вообще-то, как раз у Аделаиды Вильгельмовны про инструменты спросил, только вот не успел ничего предпринять. Тут вы пришли.

– Инструменты? Какие инструменты? – нахмурившись, переспросил Бугаев. Сообразив, он опять вздохнул и отстранил Костика легким движением лапы, которой, наверное, мог бы при надобности сдвинуть и слона. Не успел Костик опомниться, как Бугаев встал, примериваясь, перед дверью, потом сделал решительный шаг вперед, и дверь, снесенная мощным плечом, с оглушительным треском ввалилась внутрь вместе с не удержавшим равновесия полковником. – А ты говоришь, инструменты... – проворчал он, с кряхтением поднимаясь сначала на колени, затем вставая на ноги. Он принял у Костика поднятую с пола фуражку, пару раз стукнул ее, отряхивая, о ляжку, и, оглядевшись, небрежно бросил ее на старую тумбочку у входа. Комната оказалась не пустой. Похоже, старый жилец уезжал отсюда налегке – такого качества мебель при желании можно было набрать на любой помойке. – Эту штуку потом поставишь, – сказал Бугаев, бросив косой взгляд на напрочь слетевшую с петель дверь. – Да и что тут воровать... А, главное, кому. – И он бросил очередной откровенный взгляд на Винкель.

Аделаида Вильгельмовна, щеки которой еще вовсю пылали, смотрела на полковника с неподдельным восторгом. Когда Бугаев повернул к ней всклокоченную голову, она смутилась и, не издав ни звука, скользнула по коридору к себе. Бугаев посмотрел ей вслед, затем неожиданно подмигнул тоже неожиданно для себя смутившемуся Костику.

– Ишь, какая... Строгая, небось.

– Да я, Иван Александрович, еще не успел с ней толком...

– Ага, как познакомиться, так он не успел, а как борщ ее сожрать, так пожалуйста. Небось, тарелки две сразу наверхнул?

– Откуда вы знаете про борщ? – изумился Костик, но полковник пропустил его вопрос мимо ушей. Он обвел взглядом комнату и поджал губы.

– Да, мебелишка – того... – резюмировал он. – Хотя... клопов нет, и ладно... Ну так что, лейтенант, проставляешься?

– Конечно! – радостно сказал Костик. – Я сейчас, только в магазин сгоняю. Я быстро, одна нога здесь, другая там!

– Слышь, лейтенант, – бросил ему в спину Бугаев, и Костик остановился на пороге. – Там, внизу, машина стоит... Скажи шоферу, что он может быть свободен. Чувствую, новоселье может затянуться. – Бугаев посмотрел в сторону комнаты Винкель и добавил: – В случае чего на такси домой доберусь.

Костик радостно кивнул и побежал вниз. По крайней мере одна проблема на сегодняшний день была уже решена – вопрос с ключом отпал напрочь.

Вскоре трое сидели на кухне, подобно старым знакомым. Для посиделок использовали любезно предоставленные госпожой Винкель стулья и прочный табурет, потому что полуразвалившуюся табуретку Крылова Бугаев приказал Костику выкинуть немедленно, что тот и исполнил, заодно узнав, где в районе его проживания находится мусорный контейнер... Некоторая натянутость исчезла после первых же выпитых рюмок. Аделаида Вильгельмовна, в считанные минуты успевшая снять бигуди, переодеться в красивое платье до колена, надеть туфли на высоких каблуках и накраситься, летала подобно молоденькой. За те же считанные минуты она соорудила такой роскошный стол, выставив из своего холодильника все наготовленное, наверное, на неделю вперед, что у двух представителей закона разбегались глаза. Даже насытившийся борщом Костик активно молотил все, что попадалось под руку, о полковнике же нечего было и говорить. Всего за какой-то час он лично успел приговорить бутылку коньяка и умять продуктов, которых могло хватить на добрый десяток гражданских. Только что Костик радовался своей предусмотрительности, что купил аж четыре бутылки коньяка, угрохав на это все свои сбережения, но сейчас ему казалось, что и этого может не хватить. По его оптимистичным прикидкам, имевшим место всего час назад, после незапланированного новоселья у него должно было остаться около двух бутылок, которые он рассчитывал оставить на всякий пожарный случай, и с которых должна была начаться его самостоятельная жизнь. Эти бутылки можно было поставить в какой-нибудь шкафчик, временно заменяющий бар, и держать для гостей или удовлетворения собственных потребностей, чтобы было как в кино: утомленный бытом или пресыщенный светской жизнью, хозяин особняка садится вечером перед камином и, положив ноги на невысокий столик, неспешно потягивает коньячок, обдумывая какие-то дела и рассеянно поглядывая на пламя... Теперь эти мечты испарялись прямо на глазах, рассеивались подобно дыму в чистом небе. Ни о каких образовавшихся благодаря новоселью заначках и речи идти не могло. Если и дальше все пойдет такими темпами, ему попросту придется бежать в магазин еще раз. И ведь следовало учесть, что полковник здорово набрался еще до приезда сюда. Это что ж за богатырь такой его начальник!

А тот уже сидел, скинув китель, в расстегнутой до пупа рубашке, обнажив несвежую майку, и бросал плотоядные взгляды на хозяйку. Та, раскрасневшаяся от нескольких рюмок коньяка и мужского интереса, время от времени одаривала полковника кокетливым взглядом и тут же опускала глаза. Костик же внезапно поймал себя на мысли, что своего начальника он прекрасно понимает. Принарядившаяся и подкрасившаяся Винкель выглядела неожиданно возбуждающе. У нее оказались весьма недурные ноги с хорошо развитыми икрами, которые, однако, при этом не выглядели чрезмерными, плюс хорошая осанка и наличие талии. Еще

Костик отметил с некоторым, под воздействием спиртного сходящим на нет неудовольствием, что у него по-прежнему твердеет в паху, стоит только ему бросить на эту чертову Винкель взгляд.

– Знаешь, кто перед тобой сидит? – тем временем периодически басил Бугаев, одобрительно хлопая Костика по спине с такой силой, что тот едва не падал со стула. – Нет, скажи, Аделаида, знаешь? – Винкель смущенно хлопала ресницами и мотала головой. – Это мой лучший оперативник, – пояснял ей полковник, который видел Костика, равно как и тот его, всего в третий раз, и его лапища в очередной раз ложилась на лейтенантский загривок. – Скоро думаю представить его на старлея, – запросто плел полковник, и Костику очень хотелось в это верить. – Прикинь, Ада, – по-простецки обращался он к улыбающейся Винкель, и при этом нельзя было сказать, что он слишком быстро перешел на «ты», потому что на «вы» он не обратился к ней вообще ни разу. – Золотой медалист, гордость нашего РОВД! Ему б еще Мухтара, так они вдвоем таких бы дел наворотили! Нет, Адка, ты веришь или нет!

– Верю, – мурлыкающим голоском поддакивала Аделаида Вильгельмовна, и отводила подкрашенные глазки.

– Ты, небось, спортом занималась? – неожиданно запросто спросил полковник, когда она в очередной раз направилась к холодильнику. И столь же запросто, как с завистью отметил еще немножко стесняющийся, невзирая на выпитое, Костик, уставился на ее ноги.

Винкель опустила глаза.

– Балетом, – кокетливо ответила она, и изрядно опьяневший Костик едва не вскочил от возбуждения.

– А я, между прочим, так и подумал! – победно выкрикнул он, с трудом усидев на стуле, чем привел соседку в еще большее смущение. – Нет, честное слово, Иван Александрович, я, как только ее увидел, именно так и подумал!

– Да верю, верю, – одобрительно бросил полковник и подмигнул зардевшейся от открытого обсуждения ее достоинств Винкель. – Говорю же, мой лучший опер. Враз тебя, Адка, расколос.

– Нет, правда, я, как только посмотрел, я как-то сразу именно про балет... – бормотал Костик, как-то вдруг позабыв про свои недавние подозрения о причастности Аделаиды Вильгельмовны к сутенерству и торговле наркотиками...

– Эх, – крикнул через какое-то время полковник, заметив, что его подчиненный уже клюет носом, – как опер он, конечно, хорош, но вот держит пока маловато.

– Ничего, – не без подначки заметила Аделаида Вильгельмовна, – я уверена, что с таким опытным руководителем лейтенант этот пробел быстро восполнит.

Некоторое время полковник смотрел на нее непонимающе, заметно налившимися кровью глазами, затем оглушительно расхохотался.

– Ладно, Ада, – наконец сказал он. – Пойдем-ка мы с лейтенантом... Что-то совсем парня развезло. Ты тут как, сама с посудой справишься? А то смотри, я человек военный, я запросто...

– Идите уж, – так же по-свойски сказала Аделаида Вильгельмовна...

Проснувшийся Костик некоторое время не мог понять, почему он лежит на полу, и чей это богатырский храп заполнил неизвестно какое помещение, конкурируя с жесточайшими алкогольными выхлопами. Голова жутко болела, а во рту пересохло. Может, он напился, и его забрали в вытрезвитель? Но постепенно к нему возвратилась относительная ясность мышления. Он вспомнил, как его волок куда-то полковник Бугаев, как перед этим – перед этим ли? – он же зачем-то вышиб дверь его комнаты, как они сидели с этой... а, точно, Аделаидой... Аделаидой... черт, какое там у нее отчество... Впрочем, неважно...

Какое-то время Костик боролся с острым желанием немедленно очистить желудок, потому что боялся пошевелиться, чтобы не вызвать очередной приступ головной боли, а еще

он сомневался, что сможет найти в темноте ванную или туалет. Где в его собственной комнате включается свет, он тоже не знал. Едва он справился с позывами тошноты, как храп прекратился, заскрипели пружины металлической кровати, и чья-то рука пошарила возле самой его головы. Звякнула бутылка, и через миг он в полной тишине отчетливо услышал бульканье переправляемой в чье-то горло жидкости. Судя по звукам, его шеф за один присест отхлебнул не менее трети бутылки.

– Лейтенант... – Услышав хриплый голос, он вздрогнул. – Лейтенант, ты где?

– Здесь, товарищ полковник, – отозвался Костик. Чтобы хоть как-то соблюсти субординацию, он приподнялся на локте. – Вы что-то хотите?

– Я много чего хочу... – проворчал Бугаев. – Да ты лежи, лежи, я сам... – Раздалось кряхтенье, опять заскрипели пружины, и возле головы Костика, судя по звуку и запаху, от которого приступы тошноты возобновились, опустились ноги в несвежих носках. – Черт, где тут у тебя свет, лейтенант?

– Не знаю, товарищ полковник. – Костик нашел в себе силы сесть на полу.

– «Не знаю», – проворчал, передразнивая его, Бугаев. – Что ты вообще знаешь, опер... – Он встал и грузно протопал к проему, где до его появления в этой квартире была дверь. – Ты это... – Судя по звукам, полковник яростно скреб какую-то часть своего тела. – Ты ложись на кровать, чего на полу валяешься. А я это... Схожу, короче, проверю, как там наша балерина. Вишь, дверей-то нет, ей там, небось, страшно... Женщина, как-никак.

Какое отношение имело отсутствие двери в его комнате с предполагаемыми страхами Аделаиды Вильгельмовны, Костик не понял, но послушно кивнул, словно полковник мог его видеть.

– Понял, – на всякий случай продублировал он голосом.

Полковник опять что-то поскреб – судя по звуку, теперь, кажется, уже в другом месте.

– Ну и спи, раз понял, – наконец сказал он. – Не забудь, что тебе завтра на службу.

Опять послышались грузные шаги, затем полковник чертыхнулся, потом раздался грохот, как будто упало что-то вроде жестяного корыта, опять чертыхание, и, наконец, громкий стук кулаком по дереву.

– Адка, это я, открой! Ада!

Полковник еще долго стучал и ругался, пока, наконец, совсем в другой стороне коридора не скрипнула дверь, и женский голос не произнес тихо:

– Я здесь. Кто это?

Костик понял, что полковник стучался в сортир. Опять послышался грузный топот, опять упало что-то звонкое, жестяное, Бугаев опять чертыхнулся, опять скрипнула дверь и, наконец, наступила тишина. Костик полежал некоторое время, прислушиваясь, но больше из коридора не доносилось ни звука. Тогда он прислушался к своим ощущениям, прикидывая, сможет ли вытерпеть до утра без сортира, и ему показалось, что сможет. Вставать очень не хотелось, потому что голова, к счастью, вроде чуть-чуть успокоилась, и ему вовсе не хотелось спровоцировать очередной приступ боли резкими телодвижениями. Он осторожно, преодолевая буквально сантиметр за сантиметром, стараясь держать голову в одном положении, поднялся и забрался на скрипучую сетку кровати без матраца.

Как он пойдет завтра на службу, Костик даже представить себе не мог. Так сильно он напился впервые в жизни. С другой стороны, и новоселье в его жизни тоже было впервые, как и собственное жилище, разумеется.

Пошло оно все к черту, – подумал он, погружаясь в сон. Дожить бы до утра, и ладно. Утром и будем думать. В конце концов, полковник в том же положении. А я буду просто равняться на старшего по званию...

Глава 4. Похороны ветерана

«Сотрудник-мужчина должен быть всегда аккуратно подстрижен, тщательно выбрит, опрятно и со вкусом одет, может умеренно использовать парфюмерию».

Из статьи 18 «Внешний вид и форма одежды».

Кодекс профессиональной этики сотрудника органов внутренних дел РФ.

Чьи-то сильные руки трясли Костика, а он никак не мог проснуться.

– Нет, ну что ты будешь с ним делать... – услышал он сквозь сон чей-то знакомый хрипловатый голос. – Лейтенант Головкин! Приказываю встать!

Повинуясь чувству долга, которое оказалось сильнее похмельного сна, Костик вскочил и вытянулся в струнку. Через секунду, сонно помаргивая, он разглядел перед собой на удивление свежую и даже чисто выбритую физиономию полковника Бугаева, и вспомнил все, разом.

– Виноват, товарищ полковник...

– Еще как виноват, – добродушно пробасил тот. – Что коньяка на опохмелку не припас.

– А разве... – Костик попытался включить не соображающую пока голову и припомнить, остался ли после вчерашнего коньяка.

– Да шучу, – все так же добродушно сказал Бугаев. – Я перед работой не пью. Думаешь, твой начальник не может руководить отделом, не приняв на грудь пару сотен граммов?

Вообще-то Костику показалось, что полковник уже приговорил примерно половину бутылки, иначе с чего бы у него было такое благодушное настроение и откуда бы взялись силы на утреннее бритье, но, естественно, озвучивать свою мысль он не стал.

– Да нет, конечно, – пробормотал он. – С чего бы мне так думать.

Полковник взглянул на наручные часы и стал серьезным.

– Значит, слушай мою команду, опер, – деловито сказал он. – Даю тебе двадцать минут на помыться, побриться и пересать. Затем приходишь на кухню, и после быстрого пайкования поступаешь в распоряжение старшего по званию, то есть, в мое. Все понял? Вопросы есть?

– Вопросы нет.

– Выполнять.

И Костик побрел искать свою сумку, до разгрузки которой у него так и не дошли вчера руки...

Когда он относительно бодрым шагом, с прояснившейся после умывания головой, которую дополнительно продержал под струей холодной воды несколько минут, вошел на кухню, его ожидал сюрприз. Кухня превратилась в настоящую милицейскую штаб-квартиру. Включивший телефон полковник сидел за столом, отдавал кому-то команды и принимал рапорта. Перед ним лежал толстый ежедневник, в который он по ходу разговоров вносил какие-то пометки. Тут же, усиливая сходство со штабом, суежилась официантка, то есть, тоже удивительно свежая и какая-то помолодевшая Аделаида Вильгельмовна. Она обслуживала личный состав – то есть готовила штабным офицерам нечто, что скворчало сейчас на сковородке, распространяя весьма аппетитный даже для похмельных желудков запах. В какой-то момент, устав прижимать трубку к уху плечом, полковник включил громкую связь, и сходство с полевым штабом усилилось. Кухню заполнили голоса подчиненных, и в какой-то момент Костик узнал голос Сергеева, того самого капитана, который обеспечил ему кратковременный отдых в больнице.

– Товарищ полковник, я с вечера со своими в засаде сидел. Ну, по делу Паленого. Вот, только что засаду сняли. Не пришел, стервец, по адресу. Придется информатора трясти.

– В засаде сидел... И что? – настороженно поинтересовался Бугаев, по тону подчиненного почувствовав какой-то подвох.

– Ну, я не успеваю на похороны, – оправдывающимся тоном сказал Сергеев. – Может, вы пошлете кого-то другого? – И поспешно добавил: – Мне б домой хотя бы на полчаса зарулить. Ну, перекусить, там, сменить носки, побриться... О сне я даже и не мечтаю, товарищ полковник.

Бугаев чертыхнулся. Он поморщился, что-то обдумывая, сделал очередную пометку в блокноте и неохотно сказал:

– Хорошо, Сергеев. Езжай домой, брейся. Только имей в виду. Если узнаю, что ни в какой засаде ты не сидел, что ты мне тут туфту прогоняешь, так я тебя тогда...

– Да что вы, Иван Александрович! – с такой искренней обидой воскликнул капитан, что даже Костик понял – врет. – Да разве я позволил бы себе...

– Отбой... – Бугаев, не дослушав, нажал кнопку окончания связи, и тут же набрал чей-то номер. – Володя? Нет, ничего не меняется. Машину подашь к тому месту, где ты высади меня вчера. Только вот... – он быстро взглянул на часы, что-то прикидывая, – минут бы на десять раньше. Сможешь? Вот и хорошо... Все, отбой.

Он вздохнул, с явным облегчением отодвинул телефон, и, обведя взглядом присутствующих, с воодушевлением потер руки.

– Ну, вот и все. Чего застыл, лейтенант? Присаживайся. А ты, – он повернулся к хлопчущей соседке Костика, – давай, тоже, заканчивай там. Нам с опером работать пора. Наша служба, знаешь ли, и опасна и трудна. – И, не стеснясь, хлопнул ее по задку.

Порозовевшая Аделаида Вильгельмовна поправила халат, метнула быстрый взгляд в Костика, потом перевела его на полковника.

– Ничего, здесь все свои, – отмахнулся тот. И, посмотрев на Костика, официальным тоном, от которого тот едва не вскочил, сказал: – Лейтенант Головкин. Извещаю вас, что я провел ночь в коридоре, возле комнаты уважаемой госпожи Винкель, охраняя ее покой. В этом и состоит наша служба, охранять покой доверившихся нам граждан. Вам все понятно?

– Так точно! – гаркнул Костик, все же вскочив.

– Вот и прекрасно, – поморщившись и жестом опустил Костика обратно, на табуретку, подытожил Бугаев. – Тогда приступаем к завтраку, товарищи офицеры и примкнувшие к ним гражданские лица...

– Сейчас на кладбище, потом, как всегда, на точку, – глядя в бритый, толщиной в ляжку взрослого человека, затылок молча кивнувшего водителя, распорядился Бугаев.

Он расположился сзади, а Костика усадил на переднее сиденье. С точки зрения Костика это было лучшее пассажирское место, и будь он начальником, он бы только спереди и ездил. Говорят, некоторые усаживаются назад, чтобы дистанцироваться от шофера соответственно табеля о рангах, но вот, например, Костику, будь он хоть генералом, было бы на все это наплевать, он бы все равно ездил спереди. И удобно, и демократично. И почему Бугаев залез сейчас назад, он не понимал. И, кстати, он всегда так ездит, или сел туда только сегодня? Если только сегодня, значит, в этом есть какой-то умысел и это как-то связано с ним, Костиком. Эту ситуацию не мешало бы тщательно прокачать, что-то тут нечисто.

– Опять о херне думаешь, лейтенант?

Костик вздрогнул.

– Это почему еще, товарищ полковник?

Он развернулся корпусом к начальству и уставился на Бугаева вопросительно. Тот, кажется, уловил в его голосе тщательно скрываемую обиду, потому что добродушно усмехнулся.

– Ну, а о чем ты еще можешь думать, – обосновал он свое мнение, чем заставил Костика еще больше насупиться. – Ладно, лейтенант, не обижайся. Ты мне вот что лучше скажи. Знаешь, куда мы сейчас едем?

– Знаю, – уверенно сказал Костик. Он опять повернулся к полковнику, и опять подумал, что на переднее кресло его посадили с умыслом. Чтобы он так вот и вертелся всю дорогу, отвечая на вопросы начальства. С другой стороны, эти домыслы выглядели нелепыми. С чего это Бугаеву над ним изгаляться. Он мужик хороший, это чувствуется сразу. И к Костику отнесся очень даже доброжелательно, вон и капитана за него отмудохал, и в больницу лучшую определил, и квартиру пробил, и даже на новоселье пришел... Костик посмотрел на Бугаева с обожанием, и твердо повторил, показывая, что он не какая-нибудь там размазня, а к тому же хорошо контролирует обстановку, четко фиксируя малейшие детали происходящего: – Знаю, конечно. На кладбище. Ну, на похороны.

– А почему именно мы туда едем, знаешь? – словно экзаменуя его, продолжил Бугаев, и Костик опять уверенно подтвердил:

– Естественно. Потому что капитан Сергеев отпросился. Вы, как мудрый руководитель, разрешили ему передохнуть, и сейчас едете туда вместо него. А меня просто прицепом, наверное, взяли, потому что потом все равно поедете на «точку», ну, то есть, в наш отдел. И заодно подбросите меня. Верно?

– Верно, – сказал полковник. – Верно, да не совсем. Но то, что ты четко врубаешься в детали, цепко схватывая картину происходящего, это, конечно, хорошо... – Это, он, наверное, имел в виду, что Костик грамотно уловил смысл состоявшегося разговора, когда полковник врубил «громкую». – Кстати, ты знаешь, кого сегодня хоронят, и зачем я все-таки взял тебя с собой? Потому что тебя я захватил не просто так, не потому, что нам просто по дороге.

Костик замялся лишь на секунду. Его постепенно освобождающийся от алкоголя мозг прокачал ситуацию очень быстро.

– Предполагаю, хоронят сотрудника, – сказал он. – Возможно, бывшего. И кто-то из нашего отдела должен присутствовать, чтобы отдать ему дань памяти. А зачем меня... – Он опять думал не более секунды. – Наверное, чтобы я побыстрее окунулся не только в рабочую обстановку, но и... ну, чтобы прочувствовал некоторые нюансы милицеской атмосферы вообще. Я же из училища только... И не знаю пока, как наши хоронят своих товарищей, отдавая им последние почести, и прочее в том же духе. Правильно?

– Ну прямо Шерлок Холмс какой-то, – сказал Бугаев. Костику при этом показалось, что он быстро поднес что-то к губам, тут же что-то негромко булькнуло, и полковник убрал руку вниз. – Нет, Володь, ты слышал? – Шофер, не поворачивая головы, кивнул. – Шерлок Холмс и инспектор Лосев в одной упаковке, так сказать... – Костик с облегчением зафиксировал, что голос Бугаева звучит добродушно, а подначки в его тоне – едва-едва. – Но ты опять прав, лейтенант... Только, взяв тебя с собой, я преследую еще одну цель. Может быть, даже, куда более важную, чем демонстрация той самой атмосферы. Похороны и почести – это только внешняя, так сказать, сторона. Есть еще и внутренняя. И я хочу показать тебе, лейтенанту, суть некоторых вещей. – Теперь Костик, хоть и искоса, но вполне четко уловил, как Бугаев опять быстро приблизил руку к губам. Опять что-то булькнуло, и полковник негромко крякнул. – Хочу показать тебе, лейтенант, где и как ты закончишь в итоге свой путь, если, конечно, будешь служить честно, как Леонид Павлович... – Костик догадался, что это имя сотрудника, которого хоронят. – Потому что в ином случае ты закончишь этот путь в Нижнем Тагиле... И это даже хорошо, что все так совпало, что ты в самом начале своей службы увидишь все собственными глазами. Подумай над тем, что я тебе сказал, лейтенант...

– Есть подумать, – четко ответил Костик, и остаток пути старательно делал сосредоточенный вид.

– Приехали, – негромко объявил водитель. Это было первое сказанное им за всю поездку слово. Он вылез, огромный и несокрушимый, как платяной шкаф, обошел машину и открыл полковнику дверцу.

– Ну, ты мне как бабе, прямо... – проворчал полковник, однако вылез с кряхтением вполне довольным.

Костик вылез сам...

Церемония, вопреки его опасениям, не оказалась чересчур формализованной. По крайней мере, никому не пришлось стоять по стойке «смирно» или делать что-то подобное, и ему не пришлось сооружать театрально-скорбную маску на физиономии. Все походило на похороны обычного гражданского лица, кем, собственно, и являлся безвременно усопший, оставший милицейский майор, Леонид Павлович Боровой. Нет, многие были в милицейской форме, присутствовали, кстати, и довольно высокие чины, вплоть до двух генералов, но обстановка не была сугубо официальной. Наверное, неплохой был мужик, – подумалось с любопытством осматривающемуся Костику. Они слегка опоздали, и сейчас полковник тихо ходил среди пришедших проводить усопшего, тепло здоровался со старыми знакомыми, издавдала кивал тем, кого знал заочно, понаслышке... Ну да, Бугаев вряд ли станет зря кого-то восхвалять. Вот только фамилия у мужика какая-то нехорошая, совсем как у этого ворюги, ну, который в паре с Новодворской работает на американцев...

Костик уже в который раз посмотрел на трех курсантов милицейского училища во главе с дородным прапорщиком. Курсанты были вооружены автоматами Калашникова. Будет салют, – сообразил Костик. И подумал: салаги, всего лишь второй курс. Настоящей оперской работы еще не нюхали, а я вон уже в первый день службы сотрясение при исполнении получить успел...

– Опять замечтался? – услышал он над ухом насмешливый голос незаметно подошедшего со спины шефа.

– Н-никак нет, – сказал Костик.

Они переговаривались тихо, почти шепотом, потому что над могилой кто-то уже произносил речь. Единственное, что тяготило во всей этой процедуре Костику, это некоторая затянутость действия. Казалось, каждый хотел сказать о покойном хотя бы пару теплых слов.

– Замечтался, замечтался, – убежденно сказал полковник. – Ты, лейтенант, забыл, что я сам из оперов. И из неплохих, если без излишней похвальбы.

– Кто б сомневался, – уважительно сказал Костик. И спросил: – А ему что, и салют положен?

– А, уже мечтаешь, как над тобой в свое время целая почетная рота в небо палить будет? – догадался Бугаев. И не успел Костик возразить, сказал: – Да нет, в общем-то. Это друзья такую вот последнюю почесть пробили. Уважали его... Вон, генералов двух видишь? – Костик кивнул. – Ученики его. Когда-то он их, салаг молодых, безусых, вроде тебя, натаскивал, жизни учил... И неплохо, видать, научил, если они время нашли, чтобы на похороны приехать. Они ведь не по долгу службы и не для галочки, а чисто по велению души. Наверняка отменили ради этого какие-то дела...

Они стояли довольно далеко от могилы, потому что все ближайшее к ней пространство было запружено провожающими усопшего в последний путь. Внезапно Костик заметил, что на противоположной стороне кто-то в гражданском делает им какие-то знаки и сообразил, что это, конечно же, сигналият ничего не замечающему полковнику.

– Иван Александрович... – тихо позвал он и проследивший за его взглядом Бугаев тихо выругался.

– Черт, – с досадой пробормотал он, – мне только речей сейчас толкать не хватало...

Однако он, извиняясь, стал послушно пробираться через толпу, а Костик пристроился к нему в кильватер, как хрупкое суденышко за мощным ледоколом. Полковник встал в изголовье могилы и прокашлялся.

– Сейчас короткое слово скажет полковник Бугаев, бывший сослуживец Леонида Павловича, – объявил кто-то, кого Костик не смог разглядеть сквозь обступающую его людскую массу, и полковник прокашлялся еще раз.

Бугаев начал. Сначала он говорил тихо и даже стоящий всего в нескольких метрах Костик различал только отдельные словосочетания типа «карающий меч правосудия», «пламенный борец с преступностью», и прочие штампы. Внезапно, когда он слегка отвлекся на свои мысли, разглядывая неожиданную в этом скопище милиционеров симпатичную девчонку, наверное, чью-то родственницу, произошли какие-то изменения. Люди перестали перешептываться, а затем относительная доселе тишина превратилась в абсолютную. Костик с сожалением отвел взгляд от упруго выпирающей под тонким свитерком женской груди, и навестрил уши.

– Ну, что еще добавить... – в этой наступившей тишине сказал Бугаев. – Собственно, добавить-то особо и нечего. Многие тут все нужное, правильное, уже сказали до меня... Это был не коррумпированный милиционер, и просто честный, правильный во всех смыслах человек. И как всякий честный, не умеющий подстраиваться человек, честно помер от цирроза печени... – Кругом стали переглядываться, послышался легкий гул голосов. – Да, Леонид Павлович совершенно не умел притворяться, подстраиваться под сиюминутные веяния времени, – после короткой паузы выдал Бугаев. – Потому и не стал прикрываться всяческими там, больше подходящими для изнеженных гражданских, ишемическими болезнями сердца... – Словно очнувшись, он вдруг уловил устремленные на него непонимающие взгляды, заметил отвисшие челюсти родственников и, спохватившись, поспешно вернулся к накатанному: – И он никогда не пресмыкался перед начальством и бандитами... – Вышло как-то двусмысленно, словно два этих понятия шли в одной связке, и полковник опять взял паузу. Он покашлял, якобы прочищая горло, и скорбно опустил голову, давая понять, что все важное уже сказал.

Его потихоньку принялись отгеснять от могилы, освобождая место очередному оратору, а Костик, забыв о чьей-то грудастой родственнице, задумался, сможет ли он в свое время так же честно помереть от цирроза печени, и будут ли над его могилой звучать такие скупые, и оттого такие еще более весомые, слова.

В чувство его привел троекратный залп холостыми патронами – три раза одиночными, довольно слаженно, хотя и палили салабоны. Все стали разбредаться, огромная людская масса раздробилась на множество небольших кучек, двинувшихся между могилами, а между ними, в свою очередь, резво сновали распорядители, давая указания, кому в какой автобус садиться, где стоят сами автобусы, и объясняя, где находится место поминок, если кто-то намеревался добраться своим транспортом. Прикинув количество гостей, Костик подивился размаху скромного погребения отставного бескорыстного майора, но так и не решился спросить у Бугаева, на какие шиши их всех будут поить и кормить в ресторане, в котором были назначены поминки. Может, в конце концов, кто-то из родственников этого майора был крупным бизнесменом, или деньги выделила организация милицейских ветеранов.

– К машине, – коротко бросил полковник. Он постоянно промокал пот со лба носовым платком, и чувствовалось, как хочется ему снять китель. Костик, в своей рубашке с короткими рукавами, даже поймал себя на чувстве вины – за то, что он почти не потеет. – Такие вот дела, лейтенант, – неизвестно в связи с чем сказал, уже усевшись на заднее сиденье, Бугаев. Костик опять не уловил, что за предмет он опять быстро поднес ко рту, а потом так же быстро сунул во внутренний карман кителя. Затем полковник шумно выдохнул, отчего Костика обдало ядреными парами алкоголя, и выдохнул еще раз, уже умиротворенно: – Давай к нам, Володя...

Глава 5. Первый рабочий день

«Сотруднику не рекомендуется демонстративно выставлять на рабочем месте подарки, сувениры, дорогостоящие письменные приборы; посуду, столовые приборы, чайные принадлежности».

Из статьи 21 «Оформление и содержание служебных помещений».

Кодекс профессиональной этики сотрудника органов внутренних дел РФ.

– Надо же, – словно в никуда и никому бросил капитан Сергеев, клацая клавишей компьютерной мыши. Его взгляд не отрывался от монитора. – Лейтенантов нынче полковники на работу возить стали.

Костик непроизвольно покраснел. Ему уже выделили стол, который он с помощью старлея Ванина припер в кабинет из подвального помещения, где у завхоза хранилась давно спиланная мебель, и он гордо восседал сейчас на своем первом в жизни рабочем месте, сияя, подобно нашедшему бесхозный дипломат с миллионом баксов. Разве что компьютера у него пока не было, как у коллег по работе.

– Так случайно вышло, – после паузы, во время которой он решал, надо ли ему оправдываться, пробормотал Костик. – Полковник за мной заехал, хотел посмотреть, как я устроился.

– Надо же, какая забота, – опять словно в пустоту бросил Сергеев. – И как ты устроился, кстати?

– Комнату снял, – осторожно сказал Костик.

Полковник предупредил его, что о служебной квартире никто знать не должен. Иначе житья от оперов не станет, – сказал он. – Будут таскаться туда день и ночь с разными блядьми, а оно тебе надо? И Костик был полностью с ним согласен.

– Надо же, – все так же в никуда бросил Сергеев, имевший бледный вид явно нуждающегося в опохмелке человека. – Какие богатые нынче лейтенанты пошли. Интересно, сколько сейчас стоит снять хату...

Он наверняка ожидал, что Костик станет оправдываться, но тот сделал вид, что фраза капитана адресована не ему. Достаточно того, что он, как дурак, покраснел. Стиснув зубы, Костик уперся взглядом в стол, на котором лежала газета со скандинавским кроссвордом, и попытался как-то отвлечься.

– Чего до человека докопался, – бросил теперь старлей Приходько. Бросил так же лениво и тоже словно бы никому. Он тоже не выглядел человеком, проводившим вчерашний вечер за игрой в шахматы, и тоже клацал клавишей мыши. – Нашел человек деньги на квартиру, и молодец. Это я, дурак, два года в общаге мыкался.

Настала очередь высказаться Ванину.

– Дотянуть бы до обеда, – бросил он тоже никому. И заклацал мышью более активно.

– И что тогда будет? – поинтересовался Сергеев.

– Пиво пойду пить, вот чего.

– А Бати не боишься?

– Да у Бати сегодня настроение ничего вроде...

Все, будто сговорившись, подняли головы и стали вопросительно смотреть на Костика.

– Чего? – не выдержал он.

– Ты с Батей в машине ехал, – пояснил Приходько. – Он сегодня как вообще?

– Нормально, – сказал Костик. Он решил быть немногословным, как и подобает настоящему оперу. Но на него продолжали смотреть, и он спросил: – А мы что, так и будем сидеть?

– А что ты предлагаешь? – поинтересовался Сергеев.

– Ну... – Костик смутился. – Работать.

– А, я понял, – сказал Приходько. – Типа как в кино, да? С утра до вечера за кем-то бегать, палить предупредительными по ногам... «Ментов», небось, насмотрелся?

– А... – Костик опешил. – А как надо? – Ему никто не ответил. Некоторое время в кабинете слышалось только шелканье мышей и тяжелые протяжные вздохи. – Да вы же сами ночью в засаде сидели! – вдруг вспомнил Костик. Он обвел взглядом коллег и уловил, как быстро и с каким значением они переглянулись. Ему опять никто ничего не ответил, все только еще более активно защелкали клавишами.

Та-а-ак... – со злостью подумал Костик. Значит, не сидели они ни в какой засаде. Тоже мне, работнички... Сидят, пасьянсы раскладывают. Заложить бы их Бате...

Внезапно раздался стук в дверь. Никто не проронил ни звука и стук повторился.

– Войдите! – нехотя выкрикнул капитан Сергеев.

В кабинет вошел мужчина лет тридцати пяти в джинсах и рубашке с коротким рукавом. Его щеки покрывала стильная трехдневная щетина, руки были мускулистыми, и выглядел он мужественно, словно сошедший с рекламной обложки ковбой.

– Кто примет у меня заявление? – деловито спросил он, остановившись в центре кабинета. Ответом ему послужило молчание и дружное клацанье мышей. – У меня квартиру обчистили, – сказал мужчина, глядя на Костика. Наверное, потому что он единственный, кто не был занят и смотрел на посетителя. Костик поспешил уткнуться в газету, и мужчина повысил голос: – Нет, ну вы подумайте! Они даже разговаривать не изволят! Может, мне сразу пойти к вашему руководству?

– Ну, я приму, допустим, – наконец подал голос Сергеев и махнул рукой в сторону стоящего перед его столом стула.

Разгневанный мужчина с громким стуком переставил стул чуть подальше от стола, и брякнулся на него всей массой, словно давая выход дурной энергии. Костик принялся наблюдать, как Сергеев медленно открывает ящик стола, извлекает оттуда чистые листы бумаги, но тут его позвал Ванин.

– Не таращся. Ничего там интересного, – сказал он. – Иди лучше сюда, я тебе что-то покажу. Да, стул сразу с собой захвати.

Костик перебрался к нему со стулом.

– Чего?

– А вот, смотри... – Ванин постукал клавишами, и на экран вывалились баннеры с голыми девицами. – Так, где же это было... Сейчас, сейчас...

– Да что я, девок, что ли, не видел? – подчеркнуто недовольно спросил Костик, жадно рассматривая девушку с огромными, обвисшими до пупа грудями. На ней были черные колготки и босоножки на огромных прозрачных платформах.

Ответить Ванин не успел, потому что спокойный до сей поры разговор Сергеева с посетителем внезапно набрал обороты.

– А я говорю, вы должны принять! – выкрикнул явно доведенный до крайности мужчина. – По закону должны!

– Ничего я тебе не должен, – спокойно сказал Сергеев. – Ты сам только что признал, что виноват. Не сменил вовремя замок после потери ключей. Очевидное ротозейство.

– Да я... – Потерпевший, очевидно, лишился дара речи. Несколько секунд он сидел, глядя на Сергеева в упор, а тот глядел на него так же спокойно, как и говорил. Лицо рекламного мужчины медленно багровело, а грудная клетка стала бурно вздыматься. – Тыкает тут еще... Да я... я... – Он словно пытался собраться с мыслями и от ярости не мог этого сделать. – Сидите тут, в игрушки играетесь! – наконец прорвало его. – А милиция, между прочим, не частная лавочка! Вы, между прочим, существуете на деньги налогоплательщиков!

– То есть, на твой? – осведомился капитан.

– Да, и на мои, в том числе! И я сейчас кое-куда пойду, напишу совсем другое заявление! Уже на вас напишу!

В следующий момент произошло нечто, поразившее Костика до такой степени, что он, как любят писать в книжках, просто не поверил своим глазам. Капитан слегка подался вперед, застыл в этом положении на секунду, словно сомневаясь, стоит ли делать то, что он собрался сделать, и внезапно саданул мужика кулаком так, что тот слетел со стула, упал на пол, здорово приложившись к нему головой, и затих, словно и не бушевал секунду назад, подобно одержимому бесами.

– Вот тебе твое заявление, – сказал Сергеев. И, словно апеллируя к общественности, добавил: – Нет, вы только полюбуйтесь на этого деятеля... – Он, словно показывая пример, поднялся, обошел стол, встал над неподвижно распростершимся телом и принялся его разглядывать. – Нет, вы посмотрите, посмотрите!

– А чего на него смотреть, – без малейшего воодушевления сказал Приходько. Но все же поднялся, и, подойдя к Сергееву, тоже застыл над мужчиной. – Мужик как мужик, ничего особенного.

Ванин тоже встал и присоединился к товарищам. На месте оставался только Костик. Он по-прежнему не совсем верил в происходящее. Трое повернули головы и пару секунд молча смотрели на него. Наконец Сергеев поманил его пальцем и Костик, повинувшись, поднялся со стула. На ватных ногах он добрел до коллег и встал рядом, не понимая, чего от него хотят.

– Смотри, лейтенант, – сказал Сергеев и кончиком ботинка легонько пнул мужчину в бок.

– А чего на него смотреть, – неожиданно осипшим голосом сказал Костик, слово в слово повторив недавнюю фразу Приходько.

– Ты, кажется, интересовался, кто такие налогоплательщики, – подсказал Ванин.

– И что? – все так же сипло спросил Костик.

– Ну, вот один, перед тобой, – пояснил Сергеев и еще раз ткнул мужика кончиком ботинка. – Смотри, сколько влезет. Можешь даже потрогать, если хочешь.

Тут, наконец, до Костика дошло.

– Это те, кто про налоги права качает? – радостно спросил он.

Трое переглянулись.

– Соображаешь, – одобчительно сказал Ванин.

– Насмотрятся, блядь, американских фильмов, придут к нам, и давай голосить, – пояснил Приходько.

Внезапно дверь распахнулась и в кабинет вошел полковник Бугаев в сопровождении человека в штатском. Это был мужчина лет сорока в строгом костюме, с черной кожаной папкой в руке. На лице незнакомца пролегли суровые складки, позволяющие классифицировать его как человека карающей профессии.

– Товарищи офицеры! – скомандовал Сергеев, и все вытянулись в струнку.

Визитеры некоторое время смотрели на лежащего на полу мужчину, затем переглянулись.

– Что тут у вас происходит? – давая отмашку «вольно», хрипло спросил Бугаев, а человек раскрыл папку и приготовился что-то писать. – Прокуратура проводит проверку, – сказал полковник, кивнув на незнакомца, – а вы мне здесь...

– Тепловой удар, – не моргнув глазом, отрапортовал Сергеев. – Жара-то вон какая. Знаете, сколько таких сейчас по городу... Как раз хотели оказать человеку первую помощь, а тут вы... – Ванин, чего стоишь! – рявкнул он. – Я кому сказал принести аптечку!

Ванин метнулся к своему сейфу и завопил в его железных недрах.

– А почему у него кровь на лице? – спросил человек в костюме.

– Ударился носом, когда упал, – бойко пояснил Сергеев.

Двое опять переглянулись.

- Тепловой удар, – сказал полковник, и мужчина захлопнул папку. – Пойдемте дальше?
- Пойдемте...

Пропустив незнакомца вперед, полковник притормозил на секунду в дверях и, выругавшись беззвучно, одними губами, показал Сергееву кулак.

– Пронесло, – с облегчением сказал тот. – Дайте этому воды, что ли... – Он обогнул свой стол, уселся, и, как ни в чем не бывало, стал постукивать ручкой по девственно чистому листку, приготовленному для заявления потерпевшего.

Графин с водой был только у Приходько. Он шустро проследовал к своему столу, наполнил стакан, так же шустро вернулся и, не нагибаясь, выплеснул воду в лицо по-прежнему неподвижному мужчине. Тот застонал, затем дрогнули его веки. Прошло несколько секунд, и он предпринял попытку подняться. Еще через несколько секунд он уже сидел на полу и бессмысленными глазами смотрел куда-то перед собой. Потом зашевелились его губы, и он попытался что-то произнести.

– Что-что? – участливо спросил Приходько. Он даже не поленился нагнуться и стоял, склонившись над мужчиной, вслушиваясь в нечленораздельные звуки. – Вы хотите сделать какое-то заявление?

– Что... что со мной было... – наконец удалось произнести тому.

– А вы сами не помните? – спросил Ванин. Он кивнул Костику и они вдвоем, подхватив посетителя под руки, аккуратно поставили его на ноги. – Давай сюда его... – И они так же осторожно усадили его на стул, который он недавно покинул при прямом содействии капитана Сергеева.

Мужчина мотнул головой, как иногда делают пропустившие удар боксеры.

– Где я? – наконец вымолвил он и принялся беспомощно озираться.

– Воды, – коротко приказал Сергеев, и Приходько принес еще один стакан, который вручил посетителю.

– Где я? – повторил тот, выпив. При этом он расплескал дрожащей рукой половину воды, пока донес стакан до рта.

– В милиции, – буднично пояснил Сергеев.

– А... а зачем я здесь?

Сергеев пожал плечами.

– Не знаю. Может, случайно с улицы забрели. Зашли в наш кабинет, потом упали. Вам бы к врачу надо, провериться.

– Со здоровьем не шутят, – поддержал его Приходько.

– Голова болит, – пожаловался мужчина. – Он болезненно поморщился и осторожно приложил ладони к вискам.

– Вот видите, – сочувственно сказал Приходько.

Поднявшийся посетитель слегка покачнулся, вцепился руками в стол и опять обвел глазами кабинет. Его взгляд приобрел некоторую осмысленность, но до появления в нем полной ясности было еще далеко.

– Спасибо, – зачем-то сказал он.

И, с опаской отцепившись от стола, сделал, пробуя, пару шагов к выходу. Открыв дверь, он уцепился теперь за косяк, обернулся, в очередной раз прошелся взглядом по кабинету, и вышел в коридор.

– Вот так, – подытожил Сергеев. Он тоже обвел взглядом коллег, но чувствовалось, что свой посыл он адресует в первую очередь Костику. – Пришел человек с претензиями, ушел всем довольный. Даже спасибо сказал... Учись работать, лейтенант. В этом и есть наше призвание, работать на благо общества, защищать его от посягательств.

– От чьих? – ехидно вставил Приходько.

– А от любых, – отмахнулся Сергеев. И посмотрел на Костика. – Понял, спрашиваю, лейтенант?

– Не совсем.

– Да? И что тебе непонятно?

Костик почувствовал, что, несмотря на нарочито беззаботный тон, Сергеев напрягся. И сообразил, что наступил момент истины. Совсем как у Богомолова, роман которого «В августе 44-го» являлся его настольной книжкой. Это подтверждала и нависшая тишина – все оторвались от дисплеев и смотрели сейчас на Костика. Он все понял. Сейчас он окажется или с коллегами, или по другую сторону барьера, и в этом случае его наверняка ожидает непростая жизнь. Полная изоляция – почти бойкот, – с наверняка последующими со стороны коллег подставками, и куча других неприятностей. Короче, выживание из отдела. И никакой Бугаев ему не поможет, приди Костику в голову к нему обратиться. Н-да... Ситуация, конечно, не из простых. И что прикажете ему делать? Ему, свежее испеченному выпускнику милицейского училища, золотому медалисту, имевшему сплошь высшие баллы и зачеты по гражданскому и уголовному праву. И вот он остался с этим правом один на один, и не в классе со строгим экзаменатором, а в отделе, с коллегами, которые только что, на его глазах, устроили, по сути, полнейший правовой беспредел.

Вообще-то, идеалистом Костик был все же не совсем безнадежным. Того же Корецкого, к примеру, читал запоем, а у него там оборотней в погонах по пять штук на любую страницу любого романа, и Костик принимал это как жизненную данность. Да чего там романы. Достаточно было послушать рассказы однокашников, у которых, через одного, в органах служили и братья, и сватья, и вообще кто хочешь, едва ли не вплоть до мамаш. С другой стороны, и уподобляться своим сослуживцам Костику не хотелось. Он не представлял себе, чтобы мог вот так запросто и ни за что кого-то ударить...

Значит, остается нейтралитет. Он как бы признает существование в отделе особых правил общения с народом, но сам по ним не играет. Костик почувствовал облегчение. Да, именно так. По крайней мере, на первых порах, пока он тут не пообтерся. А там, если что, можно будет, поднакопив сил и опыта, выступить против сложившегося здесь режима.

Все это заняло у Костика совсем немного времени, прокрутилось в голове почти молниеносно, на уровне «подсознание-интуиция», и пауза затянулась совсем ненадолго, на несколько секунд, не больше.

– Что мне непонятно? – переспросил он и посмотрел на Сергеева открыто. – А непонятно мне следующее. Что, если этот мужик очухается и помчится в прокуратуру, катать на нас заяву?

От Костика не укрылось, как переглянулись его новые коллеги, и что тишина зазвучала уже совсем по-другому; из нее исчез главный ее компонент – этакая нездоровая наэлектризованность. Было ясно, что он принят за своего. Ведь лейтенант не касается морально-правовых аспектов произошедшего, а лишь высказывает здоровые сомнения в необходимости излишне рискованных действий капитана, увязывая их с возможными последствиями для отдела – в частности, репрессий со стороны надзирающих за законностью органов.

– Брось, лейтенант, – отмахнулся Сергеев. – Пустое. Думаешь, в прокуратуре этикие упыри сидят? Думаешь, они только и мечтают придрататься к нам из-за какой-то мелочи? Это ты, небось, киношки насмотрелся. Ты же только что видел проверяющего от них... Будь уверен, в прокуратуре тоже найдется свой капитан, который знает, как принимать заявления от склочников. Если прокурорские захотят по-настоящему нас потрянуть, они, не сомневайся, найдут более весомый повод, чем байки какого-то сутяги о грубом с ним обращении. – Он посмотрел на пожавшего плечами Костика, и подытожил: – Короче, проехали. Ты, лейтенант, работы жаждал? Сейчас будет тебе работа. Увидишь еще, как бывает у нас жарко. Мы же, хоть и убийщики, мелочевкой тоже занимаемся. Так надо, иначе отдел совсем зашьется – людей-то, как всегда, не хватает, а план выдать изволь...

Его слова оказались пророческими. Вскоре народ повалил валом. Вызванные для допроса подозреваемые, дающие показания свидетели, обычные заявители и пришедшие выяснить какой-нибудь вопрос граждане... У Костика, который и сам принял два заявления от пострадавших, уже давно шумело в голове и урчало в желудке. Когда волна вроде бы спала, он встал и с наслаждением потянулся.

– Что это было? – спросил он, попутно с удовлетворением отметив, что тоже научился задавать вопросы никому.

– Ты насчет этих? – Приходько кивнул в сторону коридора. – Ничего особенного. Работа. Здесь каждый день такой бедлам, Сергеев же тебе только что объяснял.

– А как же...

Ванин посмотрел на растерянно застывшего Костика и усмехнулся.

– Имеешь в виду сегодняшнее утро? Ну, бывает иногда такое затишье. Хрен его знает, от чего это зависит. Может, и вообще от фаз луны.

– Ага, – проворчал, тоже с наслаждением потягиваясь, Сергеев. – От того, сколько психов на данный момент выпустили из дурдома, не долечив, вот от чего это зависит. – Он встал и потянулся еще раз. Ладно, пошли, пообедаем, что ли. Хотя, скоро ужинать будет пора. – Но не успел он отойти от стола, как на нем в очередной раз зазвонил телефон.

– Не бери, – очень серьезно сказал Приходько. – Иначе, чует моя задница, так без обеда и останемся.

Сергеев, против ожиданий Костика, принявшего это за шутку, отнесся к предложению старлея серьезно. Его протянутая к телефону рука повисла в воздухе. Он откровенно колебался, не зная, на что решиться.

– Не бери, – поддержал предыдущего оратора Ванин. – Мне тоже кажется, что нехороший это звонок. Огребем проблем по самую задницу.

– А если это Батя? – хмыкнув, сказал Сергеев. – Тогда мы точно много чего огребем. И даже повыше, чем ты сказал. До самых почек накроет.

Все опять усталились на Костика. Кажется, это уже превращалось в какую-то традицию. Он слегка смутился и пожал плечами.

– Давайте все-таки послушаем, – неуверенно предложил он.

Телефон продолжал издавать неприятный резкий звон.

– Итого, голос против двух, – сказал Сергеев. – Сам я пока не определился. Нет, пожалуй, я склоняюсь к мнению лейтенанта. Та-а-ак... И что получается? Два на два?

Он присел на стул перед своим столом и стал смотреть на надрывающийся телефон. Руку он опустил на стол и стал негромко похлопывать ладонью о его поверхность.

– А если по звездочкам посчитать? – придумал Ванин.

– Ага! Пожалуй, это мысль... – Сергеев перестал стучать ладонью и принялся загибать пальцы. – Итак. Капитан и лейтенант – четыре плюс две. Итого шесть.

– И два старлея. Три и три. Те же шесть, – с зарождающимся интересом сказал Приходько. – Получается, что в лоб, что по лбу. Задача неразрешима.

Телефон вдруг перестал звонить, и капитан с облегчением поднялся.

– Ну вот, пока мы тут голосовали, проблема рассосалась сама собой. Пошли в кафе.

Но едва они двинулись к двери, телефон опять ожил. Сергеев жестом остановил раскрывшего рот Ванина, и отрицательно покачал головой.

– Это знак свыше, – сказал он. – Прения закончены. – Он решительно схватил трубку и жестким голосом волевого человека сказал: – Сергеев на проводе... – После чего опять опустился на стул и около минуты молча слушал кого-то, не делая пометок на бумаге и не говоря дежурных «да», «понял», «хорошо», и прочих, в большинстве случаев абсолютно лишнего слов.

– Пообедали, – уверенно определил Приходько по поведению капитана, и усмехнулся. – Так я и знал. Все-таки надо было смываться.

Тем временем Сергеев положил трубку и посмотрел на коллег с наигранным сочувствием.

– Ну уж извините... Короче, возникла кое-какая информашка. Есть адрес хаты, на которой отсиживается Гнилой.

Ванин вздохнул. Приходько задержался со своим вздохом на мгновение, иначе попал бы ему в унисон. Зато Костик просиял. Наконец-то! Сейчас произойдет то, о чем он мечтал каждый день пребывания в милицейском училище. Сейчас все придет в движение. Сейчас все засуетятся, в кабинете будут раздаваться громкие команды, опера будут проверять оружие, затем все побегут к машине, переговариваясь на ходу... Жаль, конечно, что у российских ментов нет таких возможностей, как у их американских коллег, потому что в кино об американских полицейских подобные выезды смотрятся вообще на редкость эффектно. Ну да ничего, подобные сцены в сериале «Менты» тоже производят впечатление.

Прошло с десяток секунд, а не произошло ничего. Костик растерянно смотрел на коллег, а те вели себя так, словно готовились к очередному голосованию. Наконец Сергеев прошел к своему сейфу и, побренчав связкой ключей, извлек из него служебное оружие. Без малейшего интереса осмотрев свой «Макаров», он без малейшего энтузиазма сунул его в наплечную кобуру. Примерно те же действия примерно с той же степенью желания проделали старлеи. Только Костику нечего было доставать из сейфа, поскольку у него не было самого сейфа. Да и оружие ему еще не выдали, поскольку этого некому было сделать. Это должно было произойти завтра, когда вернется на службу приболевший завхоз, прапорщик Пантелеев.

– Ну что, по коням? – вяло спросил Сергеев, и трое неспешно потянулись к выходу. Последним, недоумевая, вышел Костик. Он все же еще надеялся на что-то. Надеялся, что сейчас уличное пространство пронзит истошный звук сирены, что они будут сидеть в микроавтобусе, с трудом удерживая равновесие на поворотах и все равно подгоняя шофера, который будет оправдываться, что и без того гонит так, что дымятся покрышки... Потом они устроят короткое совещание уже по адресу, в обшарпанном дворе, решая, вызывать ли подкрепление. В итоге, конечно, решат брать преступника самостоятельно, потому что если дожидаться этот чертов ОМОН, останешься без ужина. Поэтому, обсудив наспех незатейливый план вроде: «Приходько, ты прикрываешь меня на лестнице; Ванин, на тебе черный ход и чердак; Головки, на всякий случай стой за дверью подъезда и не забудь поглядывать вверх – он может махнуть через балкон», – они бросятся вверх по лестнице, стараясь не топтать, и шикая друг на друга, когда кто-то споткнется. В общем, все как в сериале «Менты» и даже круче... Но этим фантазиям Костика не суждено было сбыться.

Все его фантазийные построения поломались в самом зародыше, когда они очутились в провонявшем бензином гараже, находящемся в каменной пристройке к отделению.

– Автобус? – вылутился на них рыхлый сержант с округлым бабьим лицом. В черной от машинного масла руке он держал недоеденный бутерброд с колбасой, при виде которого у Костика засосало в желудке с утроенной силой. – Да вы что, какой автобус! – Он заметил, что четыре пары глаз вцепились в его бутерброд, и машинально убрал его за спину. – Вон он, ваш автобус, разве сами не видите?

Прямо по центру гаража действительно стоял милицейский микроавтобус со свинченными колесами. Поскольку ни ямой, ни гидравликой для подъема техники ремонтный ангар не располагал, автобус просто стоял на подпорках из кирпичиков.

– Давно? – коротко спросил Сергеев.

– Да неделю уже, как в таком виде стоит!

– И что, за целую неделю никак не отремонтировать? – с раздражением поинтересовался Сергеев. Он вдруг поймал себя на том, что ждет момента, когда сержант взмахнет рукой и он опять увидит бутерброд, и озлился еще больше. Он хотел сказать что-то резкое, но всмот-

релся в физиономию с сонно помаргивающими белесыми ресницами, и передумал. – Начальник автопарка где? – спросил он уже почти вяло.

– Как раз за запчастями и поехал, – доложил сержант. Он хотел что-то добавить, но оперы, потеряв к нему интерес, уже двинулись к выходу.

– Ну, ты загнул, – сказал по дороге Ванин. – «Начальник автопарка». Это что ж за автопарк такой, в котором всего один микроавтобус, да и тот не ездит.

– Это вопрос философский, – сказал Сергеев. – Тебе развернуто ответить, или коротким замечанием обойдешься?

– Это вопрос риторический, – поправил его Ванин. – Можешь вообще не отвечать.

– Пошли на троллейбус, – сказал Приходько. – Кажись, он прямиком туда идет. Значит, нам во-о-он туда, на ту остановочку.

Ничего себе «оперативные сотрудники»... – мрачно размышлял Костик, трясясь в старом разболтанном троллейбусе еще советских времен. Он пристроился сзади и стоял сейчас возле выхода, держась за поручень. Ванин стоял рядом, а Приходько с Сергеевым удалось занять два сидячих места, как раз одно за другим, и сейчас оба старательно смотрели в окно, делая вид, что не замечают стоящих рядом пенсионеров... Где ж тут оперативность-то. Транспорта нет, пистолета не дали, какое уж тут кино... Он подумал, что неплохо бы купить пока пистолет бутафорский, китайского производства. Кто-то говорил, узкоглазые так наострились делать подобные игрушки, что, даже взяв в руки, не сразу определишь, что это подделка. У них вроде даже вес соответствует. Ну да, так и надо будет сделать. А то нехорошо получается: кобура есть, а пистолет отсутствует. Костик не сразу заметил, что Сергеев с Приходько уже протиснулись к среднему выходу, и очнулся только от локтя Ванина.

– На выход, опер, – наигранно бодро скомандовал он, и Костик спросил у миловидной девицы с огромными молочными железами, трясущимися под прозрачной материей короткого платья:

– Разрешите пройти?

У него было такое дурное настроение, что он даже не заинтересовался ее коленками, хотя настоящий опер не имел права упускать такие важные детали...

– Я что-то не понял, – повторил Костик, и даже встряхнул головой, как недавно делал тот рекламный мужик, который опрометчиво пришел к ним сделать какое-то, по поводу чего-то, заявление. Пиво, ударившись о пустой желудок, здорово срикошетировало в голову, и он чувствовал, как путаются и без того скудные сейчас мысли.

– Что ты не понял? – спокойно спросил Приходько и с наслаждением отхлебнул из своей бутылки.

Костик опять помотал головой, пытаясь мысленно сформулировать вертящийся на языке вопрос. Они сидели на лестнице в доме, где по информации какого-то осведомителя прятался криминальный персонаж по кличке Гнилой, опытный и неуловимый, по словам коллег, домущник, и спокойно пили пиво. Это просто не укладывалось в голове, оттого и приходилось трясти ею, словно в стремлении избавиться от перхоти механическим способом, не прибегая к помощи бытовой химии. Ну ладно, что они так спокойно покинули кабинет и ехали на задержание в троллейбусе. Пусть так. Микроавтобус сломан, а счет на секунды не идет. Допустим. Но сейчас-то, сейчас! Ведь уже приехали. И вместо того чтобы идти в квартиру, уселись на ступеньках, подобно обкурившимся гопникам, и пьют пиво, словно нарочно задались целью нарваться на нагоняй от жильцов подъезда. Осталось только еще дружно помочиться где-нибудь в закутке возле мусоропровода, и картина приобретет окончательную завершенность. Опера, твою мать! И, что интересно, полный набор званий собрался, от лейтенанта до капитана; им тут еще только полковника с его большими звездами не хватает... А главное, пиво-то было куплено заранее, вдруг словно очнулся Костик. То есть, это они так спланировали «операцию по захвату»? Нет, но это нормально?

– Да то и не понял, – твердо сказал Костик, не то что не скрывая, но даже акцентируя голосом скопившееся внутри раздражение. – Мы зачем сюда приехали? Бандита брать или пиво пить? Если пиво, так чего было через весь район сюда тащиться? Чего бы у себя там и не выпить...

Если Костик хотел показаться таким мужественным правдоискателем, ради торжества справедливости смело идущим на конфликт со старшими по званию и, в конце концов, просто более опытными товарищами, то он здорово ошибся. Никто и ухом не повел. Ответом ему послужила тишина, если не считать размеренно гудящего где-то лифта, и только Приходько через некоторое время негромко и необидно хмыкнул. По сути, заявление Костики было попросту проигнорировано. Зато то, что произошло через минуту после его короткого и бесполезного демарша, опять поразило его до такой степени, словно его коллеги играли в какую-то игру, специально задавшись целью поразить его наибольшее количество раз за наименьшее число единиц времени...

Двери лифта внезапно разъехались со скрежетом старого разношенного механизма, и на лестничную площадку полуэтажом ниже вышла благообразная пара в возрасте. Солидный мужчина в профессорских роговых очках, лысиной-тонзурой и изрядным животом, облаченный в наглаженные брюки и белую рубашку, подал руку тоже объемистой женщине в светлом платье, обладательнице живота, пожалуй, не меньшего. Пока он чинно выводил ее из лифта, трое быстро и бесшумно поставили недопитые бутылки на бетонные ступени лестницы, и так же бесшумно вскочили. Костик во все глаза смотрел на чудесное и невероятное перевоплощение только что вроде бы расслабленных раздолбаев от милиции, и дивился. Движения их были экономны и отточены – ни единого лишнего жеста. Руки столь проворно, но при этом непринужденно нырнули под легкие куртки, словно именно эта, разменявшая полтинник, чета являлась объектом предстоящего задержания.

– А-адну минуточку, граждане! – довольно громко, но при этом не чрезмерно, чтобы не испугать объект, сказал капитан Сергеев.

Только сейчас на них обратили внимание. Мужчина не без испуга пялился на четверку подозрительных незнакомцев, которых только что заметил, причем его и без того широко раскрывшиеся глаза казались и вовсе огромными из-за толстых диоптрических линз, а женщина не менее широко раскрыла крашенный рот, словно собиралась оглушительно завизжать. Костик же при этом опять с запозданием и некоторым раскаянием отметил, что бутылки его коллегами были поставлены таким образом, что паре, застывшей внизу, они вряд ли были заметны, поскольку прикрывались ногами стоящих. Без сомнений, перед ним были настоящие профессионалы, и он просто неопытный салага, если до сих пор этого не понял. Он уже испытывал искреннее восхищение от действий товарищей по оружию; не менее сильное, чем всего минуту назад – раздражение.

– Вы... вы... – пробормотал мужчина.

– Мы из милиции, – опередил возможные инсинуации Сергеев. И сделал очень плавный, чтобы не ввергнуть парочку в панику, шаг вниз, на ходу извлекая из кармана удостоверение в красной обложке. – Вот, извольте убедиться. – Он сунул корочки прямо под довольно большой, с горбинкой, нос, отчего мужчина слегка отшатнулся, и мягко, едва ли не нараспев, представился: – ОВД Щукино. Оперуполномоченный Максим Жаров.

Почему Щукино? – удивленно подумал Костик, но тут же сообразил. Черт побери, ну и ловкач этот его начальник! Он же нарочно так сказал, чтобы вызвать у пары смутные ассоциации с чем-то приятным, таким почти родным, донельзя своим. Наверняка ведь эти двое смотрели сериал про Мухтара, и поэтому Щукинский ОВД осел в их подсознании как что-то безобидное, позитивное, приятное, отдающее запахом мохнатой шкуры обаятельнейшей псины. И при этом – именно в подсознании, что немаловажно и очень выгодно для них, оперов, потому что клиенты находятся сейчас в таком состоянии, что вряд ли могут рассуждать хладнокровно.

Итак, благодаря всего паре фраз и небольшому количеству телодвижений опытного капитана, они сейчас являются для этой наивной пары не опасными объектами, которых нужно бояться, а добрыми Санта-Клаусами, пусть и не раздающими подарки, но и не несущими в себе ни малейшей угрозы.

Костик мысленно заплотировал Сергееву, а тот, выждав недолгую паузу, тем же мягким, сразу выбранным для общения с парочкой тоном, продолжил:

– У нас к вам одна небольшая просьбочка, граждане.

– Э-э-э... – Мужчина неуверенно посмотрел на жену, и Костик не без снисходительности подумал, что тот подкаблучник. А вот он, Костик, когда женится, он... – Э-э-э... Мы вас слушаем...

– Видите ли, в чем дело... – Сергеев улыбнулся. – Мы с коллегами, – не оборачиваясь, он сделал мимолетный жест в сторону тоже расплывшейся фальшивыми улыбками троицы, – проводим здесь небольшую операцию... Нет-нет! – Теперь Сергеев, словно сдаваясь, поспешно вскинул руки. – Ничего опасного, уверяю вас!

Страх с лиц парочки не сошел, но, по крайней мере, и не усилился.

– А... а что требуется от нас? – обреченно спросил мужчина, поняв, к чему клонит капитан. Женщина пока настороженно молчала.

– Сущие пустяки, уверяю вас! – Сергеев опять вскинул руки. – Всего лишь постучать в одну квартиру, только и всего.

– А почему вы сами не можете это сделать? – Это, наконец, вступила в разговор жена.

Губы Сергеева растянулись уже едва ли не до ушей.

– Сериалы смотрите? – Он подмигнул свойски обоим сразу. – Ну, «Менты», и прочие правдивые вещи... Так вот. Там наши коллеги часто о подобном просят, вы вспомните, вспомните.

– Ну, помню, – сказал мужчина. – Но это же опасно, наверное.

Сергеев посерьезнел.

– Разве мы позволили бы себе просить вас, честных налогоплательщиков, на средства которых и существуем мы, милиция, и которых и призваны защищать мы, милиция, если бы это представляло для вас хоть малую, хоть такую вот, – он изобразил что-то пальцами, – опасность... Вас как, простите, величать?

– Лев Семенович Бронштейн, доктор математических...

– Так вот, Лев Семенович. Разве бы мы...

– А что он сотворил? – перебила капитана женщина. – Ну, этот, в квартиру которого мы должны...

Сергеев пренебрежительно махнул рукой.

– Да алиментов не платит, сволочь. Извините, конечно, за выражение, только как еще такого назвать. И осторожный, гад. Увидит нас, нипочем не откроет... Ну так как?

Пара переглянулась.

– Ну, если это так надо... Ты как считаешь, Клавдия?

Видимо, мужчина был действительно теоретиком от науки, более склонным к анализу каких-нибудь цифр и формул, нежели простого и житейского, поскольку поверил капитану сразу и безоговорочно. Он даже не задался вопросом, отчего на такое простое по их словам дело приехали аж четыре сотрудника, двое из которых весьма недвусмысленно держат руки возле выпуклостей под куртками.

– Ну, вообще-то... – Женщина неуверенно пожала плечами.

– Вот и чудесно! – Чтобы закрепить достигнутый в вербовке успех, Сергеев быстро протянул руку и, не давая мужчине опомниться, энергично потряс его кисть. – Спасибо, товарищ! Вы настоящий гражданин, налогоплательщик, и все такое!

Чрез минуту парочка, заметно нервничая, стояла перед обитой дерматином, открывающейся внутрь дверью, а Сергеев шепотом давал последние инструкции:

– Сюда, сюда, левее, вы должны перекрыть обзор из дверного глазка... Вы здесь, а вы еще чуточку левее, вот так, да...

Ванин с Костиком встали по одну сторону двери, Приходько по другую, а сам Сергеев присел за спинами семейной четы на корточки. Рука очкастого замерла возле кнопки звонка.

– А что мне ему сказать? – внезапно нервным шепотом спросил он.

– Да что угодно, – прошептал снизу Сергеев. – Ну, что в таких случаях в сериалах говорят. Скажите, что собираете подписи жильцов насчет благоустройства двора. А как только он откроет, вы оба сразу отступайте в сторону. Дальше уже наша работа... Смелее, Лев Семенович, смелее!

– Кто? – с хрипотцой спросили из-за двери.

Бронштейн прокашлялся.

– Мы из домового комитета, – после заминки, дрожащим голосом проблеял он. – Собираем подписи под заявлением о благоустройстве территории двора.

Возникла недолгая, но томительная пауза – наверное, Гнилой рассматривал непрошенных гостей. Очевидно, благопристойная чета не вызвала у опытного домовщика ни малейших подозрений, потому что вскоре щелкнул замок и дверь приотворилась на ширину удерживающей ее цепочки и в проеме возникла худая небритая физиономия высокого детины.

– Вообще-то я... – начал было Гнилой, и тут Сергеев так мощно толкнул супругов в спины, усугубляя это силой выпрямляемых ног и весом своего крепкого тела, что дверь распахнулась с громким треском выдираемой из косяка цепочки, и четыре организма с грохотом ввалились в коридор.

– Захват! – еще в падении прокричал Сергеев, и двое оперов вломились в квартиру как танки, ступая по телам упавших и сменяя все на своем пути. Замешкался только Костик, не инструктированный о таких действиях заранее.

– Всем лежать! морды в пол! руки за голову!

Послышались звуки падающей мебели, звон сорвавшегося где-то в коридоре зеркала, испуганные крики супругов. Где-то в глубине комнаты глухо бабахнули пистолетные выстрелы, и замкнутое пространство заполнилось кислым запахом пороха. Грянул еще один выстрел, теперь в коридоре, и у Костика заложило уши...

– Чисто! – крикнул, выбегая из глубины квартиры, Ванин.

– Чисто! – выкрикнул Приходько.

Тяжело дышащий Сергеев выпрямился, вытер со лба пот и неожиданно подмигнул оглохшему на время Костику.

– Вот так, лейтенант! А ты говоришь, задержания, погони, кино... Как, интересное вышло кино?

Костик неуверенно кивнул, больше угадав, что говорил капитан. Он опустил глаза, посмотрел на извивающегося в наручниках Гнилого, на лежащих неподвижно супругов, и вскинул голову.

– А с этими что?

– Да что с ними станется... – Сергеев отмахнулся. Затем нагнулся, рывком поднял на ноги Гнилого, согнул его в поясе и толкнул так, что тот, вылетев на лестничную площадку, с размаху ударился головой о перила, опять упал и затих. – Все нормально, граждане! – крикнул капитан осторожно высунувшимся из соседних квартир жильцам. – Только что работниками милиции было проведено задержание проживающего в вашем доме особо опасного преступника. Теперь можете жить спокойно... Спасибо, товарищ Бронштейн! – не без торжественности сказал он, обращаясь к неподвижно лежащему, обхватив голову руками, доктору математических наук. Тот потерял очки и сейчас всюду по коридору поблескивали их разлетевшиеся осколки. – Вы

нам очень помогли, очень! Можете встать, операция закончена... От лица российской милиции объявляю вам благодарность.

Первой зашевелилась женщина. Она с кряхтением поднялась на четвереньки, посмотрела на милиционеров бессмысленными глазами, напомнив Костику недавнего жалобщика в рубашке с короткими рукавами, и вдруг тихо завывала, раскачиваясь из стороны в сторону своим массивным телом.

– Вам тоже, гражданка, спасибо, – сказал Сергеев и, повернувшись к своим, прошипел: – А вы чего застыли? Давайте этого вниз, быстро! Сматываемся!

Ванин с Приходько подхватили бесчувственное тело и поволокли его вниз по лестнице, и Костик, не мешкая, рванул за ними, с радостью ощущая, как к нему возвращается слух. Замыкающим пристроился капитан. Один пролет они преодолели в полной тишине, если не читать мягкого стука о ступени пяток задержанного, с ног которого давно слетели домашние тапки, и хриплого дыхания оперов.

Костик уже совсем было уверился, что отступление пройдет тихо, без эксцессов, как внезапно сверху послышался истошный женский крик. Кричала, судя по всему, наконец опомнившаяся Клавдия.

– Не тормозить, – сквозь зубы скомандовал Сергеев, а сам остановился, героически оставшись прикрывать отход боевой группы.

Костик, колебавшись, замер на полпролета ниже. Ему было необычайно интересно, а Ванин с Приходько справятся и без него. В конце концов, пятый этаж, чай – не двадцать пятый.

– Убили! – истерично голосила госпожа Бронштейн, если только эта женщина не являлась любовницей очкастого горе-математика или его побывавшей замужем и сменившей фамилию сестрой. – Ой, люди, что же это такое делается...

– Да кого убили-то? – не без некоторой злости бросил Сергеев, не возвращаясь, однако, наверх, готовый в любой момент продолжить организованный отход на заранее намеченные позиции. – Доктора, что ли, вашего научного? Да он там просто дурака валяет! Растолкайте его, пусть уже встает, наконец!

Костик на цыпочках поднялся и замер возле капитана, вытягивая шею. Тот покосился на него с раздражением, но ничего не сказал. Костик видел, как стоящая на коленях женщина мотнула головой, на мгновение утихла, затем вдруг осознала, что находится перед высыпавшими на лестничную клетку жильцами в разошедшемся по швам платье, и заголосила с новой силой, так, что у Костика опять едва не заложило уши.

– Я жаловаться буду! – кричала предполагаемая Бронштейн, пытаясь как-то стянуть на груди превратившееся в лоскуты платье.

– Это ваше право! – тоже крикнул, опять начав спускаться по лестнице, Сергеев. Он приостановился и бросил на Костика сердитый взгляд. – А ты чего застыл? За мной, лейтенант!

– Немедленно сообщите мне вашу фамилию и место работы!

– ОВД Щукино! – еще громче выкрикнул Сергеев. – Там спросите Максима Жарова! Ну, который в паре с Мухтаром работает, меня там любой знает!..

После короткого совещания решили возвращаться в отдел опять на троллейбусе, приковав задержанного к себе двумя парами наручников, как медведя в фильме «Неуловимые мстители», но после поверхностного обыска в карманах этого задержанного, в итоге решили ехать на двух такси, чему Костик был очень рад. Он здорово устал, а еще ему многое предстояло тщательно обдумать. И, желательно, в спокойной обстановке.

Глава 6. Рабочие будни. Дело гражданина Павлова

«В речи сотрудника органов внутренних дел исключается использование нецензурной брани, сквернословия и выражений, подчеркивающих негативное, презрительное отношение к людям».

Из статьи 11 «Культура речи».

Кодекс профессиональной этики сотрудника органов внутренних дел РФ.

Клиент попался упертый. Собственно, дело было яснее некуда, да вообще не было никакого дела, поскольку этого уродца взяли прямо на краже сумки, взяла сама потерпевшая, здорovenная тетка, оказавшаяся бывшей толкательницей ядра и еще не растерявшая спортивных навыков, но он упорно не хотел ничего признавать и подписывать. Пустой разговор шел уже минут сорок, а дело, которого не было, не сдвинулось ни на миллиметр. Доходяга в спортивном костюме и растоптанных кроссовках словно издевался над ним, хотя Костик был уверен, что это не так. Просто этот дебильчонок, примерно его ровесник, то ли посмотрелся фильмов о крутых криминалах, то ли наслушался их же вживую, но итог был один: он все тупо, но упорно отрицал. Костик давно отпустил «потерпевшую», которая понаставила этому деятелю огромных, на пол лица синяков и едва не сломала руку, поскольку толку в ее присутствии все равно не было, и сейчас Костик толок воду в ступе в гордом одиночестве. Точнее, с помощью Дениса Борисовича Павлова, который упорно отрицал свою причастность к неудавшемуся ограблению – что при потерпевшей, что без нее, так что ее присутствие или отсутствие ничего не меняли. Удивительным было, как этот Денис Борисович вообще назвал свои данные в виде имени и фамилии, поскольку на все дальнейшие вопросы он отвечал «нет», «не знаю», «не имею понятия», «это был не я» и выдавал подобные штампы.

Коллеги, успевшие за это время допросить или опросить как минимум по два свидетеля или подозреваемого, поглядывали на него с усмешкой, но Костик делал вид, что не замечает их ехидных взглядов. Периодически кто-нибудь из сослуживцев незаметно показывал Костику, что ему неплохо было бы сделать, сжимая кулак, постукивая им о свое лицо, и недвусмысленно кивая при этом на задержанного, но Костик упрямо продолжал изображать, что подсказок их не видит. Наконец кабинет потихоньку опустел, остались только сотрудники да этот чертов дебильчонок. Да капитан Сергеев выпроваживал последнего посетителя. Рабочий день заканчивался.

– Может, по пивку? – не нарушая традиции, бросил, как всегда, в никуда Ванин, неспешно рассовывая по ящикам стола бумаги.

– Я пас, – сразу отозвался Сергеев. – Я жене обещал пораньше прийти.

– Беру минуту на размышление, – сказал Приходько.

Все усталились на Костика.

– Я не знаю, – автоматически ответил тот, в точности продублировав только что прозвучавший ответ своего подопечного, и не сразу понял, почему коллеги разразились громким смехом. – Черт, совсем заработался, – сконфуженно пробормотал он и посмотрел на Дениса Борисовича со злостью. – Ночью почти не спал, а тут еще этот...

– Да дай ты ему в лицо, – посоветовал Ванин. Он встал, пересек кабинет и оперся задом на стол Сергеева, чтобы лучше видеть происходящее.

– Он не может, он у нас задержанных не бьет, – очень серьезно возразил Приходько, после чего комнату залил еще один приступ веселья. – Помните, мы тогда даже поспорили с ним, когда он, наконец, сломается.

– Не дождетесь, – буркнул Костик.

Приходько тоже покинул свое место и пристроился рядом с Ваниным, утвердившись на столе Сергеева задом. Тот покосился на облепивших его стол коллег, поморщился, но ничего не сказал. Только сдвинул слегка Приходько, чтобы самому лучше было видно. Он уперся локтями в стол, положил на кулаки подбородок, и тоже принялся наблюдать за Костиком. Теперь уже трое в упор пялились на него, мешая сосредоточиться.

Прошло еще минут десять, однако кабинета никто не покинул. Даже Сергеев словно позабыл о своем обещании жене прийти пораньше. Костик делал вид, что не замечает, как трое перешептываются, заключая пари и делая денежные ставки.

– Значит, вы говорите, что не производили попытки сорвать с плеча потерпевшей сумочку? – монотонно бубнил Костик, чувствуя, как у него периодически темнеет в глазах, словно у пенсионера с повышенным или – черт их разберет – пониженным, что ли, давлением. А уж в какой момент начало гудеть в голове, он уже и не помнил. И все этот уродец Павлов, который сидит, как ни в чем не бывало, и в ус не дует, словно нарочно решил проверить терпение опера на прочность.

– Нет, – спокойно сказал Павлов. – Я просто случайно протянул руку, – он показал, как, – потом случайно сжал пальцы, – он опять показал, как, – ремешок сумочки неожиданно для меня оказался зажатым в моем кулаке, и я от этой неожиданности... ну, ощутив в своей ладони что-то... в общем, попытался отдернуть руку. Естественно, за рукой потянулась и сумочка, поскольку пальцы от волнения я так и не разжал, потому что их внезапно свело судорогой.

– Та-а-ак... – Костик побарабанил пальцами по столу. – Допустим. А вот потерпевшая сказала, что вы сделали это намеренно.

– Ее дело, – хмыкнул Павлов. – Ее слово против моего, не более того. К тому же, она здорово меня отметелила. – Он осторожно потрогал пальцами расплывающееся вокруг глаза лиловое пятно. – Так что это я, по сути, пострадавший.

– Но вы ударили ее первым, когда она попыталась выдернуть свою сумочку обратно, – напомнил Костик.

– Я не бил ее, – сказал Павлов. – Я просто сжал кисть в кулак и выпрямил руку. – Он безразлично пожал плечами. – Возможно, ткнул ее при этом куда-то. Чистая случайность.

– Опять судорога виновата? – с сарказмом уточнил Костик.

Павлов опять пожал плечами.

– Наверное. Я не врач, врачам виднее, что это такое...

Костик внезапно ощутил, как у него в голове в буквальном смысле забегали какие-то мурашки, а в глазах опять потемнело. В ушах раздался неприятный гул, а по мышцам пробежала настоящая, в отличие от выдумываемой Павловым, судорога. Не замечая, как тревожно переглянулись товарищи, он закрыл глаза, приложил пальцы к вискам, как это в стремлении избавиться от головной боли делал Бугаев, и замер. Встревоженный Сергеев даже привстал, разглядывая изменившегося в лице подчиненного. Но не успел он что-либо сказать, как Костик вдруг закричал что-то нечленораздельное, а в следующий момент его словно пружиной подбросило вверх. В одно мгновение, подобно заправскому гимнасту, он перемахнул через стол и так врезал не успевшему среагировать Павлову справа, что тот опрокинулся вместе со стулом и оказался распластанным в центре кабинета.

– Судорога, говоришь! – Костик быстро нагнулся, схватил стул за спинку и, вскинув его над головой, со всего размаха обрушил его на спину пытающегося отползти Павлова. – Врачам, говоришь, виднее! – Он ударил задержанного еще раз и, когда спинка стула отделилась от его сидалища, бросил ее в голову болезненно вскрикнувшему задержанному. – Случайно, говоришь! – Он принялся пинать Павлова ногами, норовя захватить в прикрываемое им лицо или хотя бы в область живота и почек.

Трое наблюдали за происходящим с широкими, во весь рот, улыбками. Никто даже не пошевелился, чтобы попытаться своего сослуживца уговорить. Иногда, отмечая какой-

нибудь особенно результативный удар, они быстро переглядывались, и их внимание тут же опять переключалось на коллегу.

Наконец выдохшийся Костик замер посреди кабинета с бурно вздымающейся грудной клеткой и с растерянным выражением лица, как бывает с людьми, неожиданно очнувшимися после эпилептического припадка на грязной мостовой, со втиснутым между зубов твердым предметом, под любопытными взглядами обступивших их прохожих. Он недоверчиво обвел глазами кабинет, словно оказался в нем впервые, и, наконец, остановил его на покровительственно улыбающихся сослуживцах.

– Что... что это было... – пролепетал он, пытаясь запустить дрожащую руку в карман. Наконец ему удалось попасть в его прорезь и извлечь оттуда носовой платок. Он смахнул с влажного лица пот, который уже струился по лицу, стекая по подбородку, и опять замер, глядя на товарищей растерянно. Перевести взгляд вниз, на корчившегося в его ногах со стонами Дениса Борисовича, он не решался.

– Что, что... – Ванин разомкнул сложенные на груди руки и оторвал зад от капитанского стола. – Ничего особенного. Работать ты, наконец, начал, вот что.

– Или прекратил, наконец, валять дурака, – сказал, спрыгивая с того же стола, Приходько. – Можно и так выразиться.

– А... а что делать с... – Костик наконец собрался с духом и посмотрел на пытающегося подняться Павлова. Его физиономия была окровавлена, при попытке что-то произнести на губах надувались красные пузыри, а каждое движение, судя по всему, вызывало острую боль, сопровождаемую стонами. – Что делать с этим?

– С этим? – непонимающе переспросил Сергеев, и трое одновременно опустили взгляды. – А что с ним делать... – Он обогнул свой стол, подошел к Павлову, схватил его за шиворот, и с треском рвущейся материи спортивного костюма рывком поднял на ноги. Затем развернул безвольно болтающееся тело и толкнул его в сторону лейтенантского стола. Пролетев несколько метров, Павлов ударился грудью о стол, опять упал и опять затих.

– Мебель вот только поломал... – Приходько нагнулся, поднял с пола разрозненные части стула и принялся вертеть их в руках. – Завхоз по головке не погладит. И другого не даст, можно и не просить.

Сергеев смотрел на него в упор намекающим на что-то взглядом, а старлей делал вид, что этого не замечает; он с преувеличенным вниманием рассматривал обломки мебели, словно прикидывал, как можно восстановить безнадежно испорченный стул. Ванин тоже впился в него прищуренными глазами, а Костик, не понимая, смотрел на них троих и продолжал машинально протирать лицо давно промокшим насквозь платком.

Наконец Приходько вздохнул, небрежно отбросил прямо на пол гулко стукнувшиеся деревяшки, и поднял голову.

– Ну, пойдемте, пойдемте, – проворчал он, сведя брови. – Проиграл, так проставлюсь.

– Да уж будьте так добры, – ехидно поддакнул Сергеев.

– А некоторым, как я погляжу, домой пораньше уже не надо, вроде, – опять проворчал старлей.

– Ничего, – оптимистично сказал Сергеев, – извлекая из кармана мобильник. Он потряс им в воздухе и насмешливо сказал: – Слышал когда-нибудь о таких вот штучках? Двадцать первый век, между прочим, на дворе...

Он отошел в сторону и принялся в чем-то убеждать жену, а Ванин с Приходько подняли начинающего приходить в себя Павлова и опять усадили его на стул перед столом Костики. Стул в пользование последнему любезно предоставил предвкушающий халявную выпивку Ванин.

– Пиши, – сказал он задержанному.

– Чего писать? – кое-как прошамкал разбитыми губами Павлов. Он утер кровь прямо рукавом и устоялся на опера заплывшими от побоев глазами.

– Точнее, подписывай, – поправился тот. – А все что надо, мы сами потом напишем.

– Но я...

Павлов хотел что-то возразить, но Ванин нагнулся, поднял обломок стула, посмотрел сначала на него, задумчиво, потом, со значением, на беззвучно шевелящего губами задержанного, и тот поспешил взять со стола ручку.

– Все, погнали, – бодро сказал закончивший переговоры с женой Сергеев. – И без того времени уже вон сколько потеряли.

– А с этим что... – как заведенный повторил Костик. Он только-только начинал приходить в себя.

– Да что ты заладил! С этим, с этим... Отпускай этого уродца под подписку. Завтра передашь его дело следокам, и все. Забудь.

– Я напишу прокурору, что меня избил, – внезапно подал голос подписавший чистый лист бумаги Павлов, и с Костиком моментально опять произошла метаморфоза.

– Кто? – прошипел он, подскочив к на редкость упрямому клиенту. – Кто тебя избил?

– Ты.

– Я? – Костик побелел. – Разве я тебя бил? Я всего лишь сжал ладонь в кулак, – он быстро сделал то, о чем говорил, – и резко вытянул руку вперед! – И с этими словами ударил Павлова с такой силой, что тот опять слетел со стула. – А потом я отвел ногу назад, и...

– Э, э, Головко, хорош! – посмотрев на часы, прикрикнул на него стоящий в дверях Сергеев. – Ванин, оттащи-ка товарища лейтенанта от гражданина задержанного, а то ему понравилось... Короче, отставить «отпустить», а то этот клоун, как я погляжу, ничего не понял. Давайте-ка лучше его в наш «обезьянник», и порыли. А то до ночи тут с ним ковыряться будем...

– Насчет заявления этого клоуна можешь не париться, – сказал, уже сидя с кружкой пива в баре, Приходько. Такая же кружка стояла перед каждым участником банкета. – Есть у нас одна специальная медицинская контора, так что нам просто останется туда его заманить, чтобы он именно там свои побои зафиксировать захотел. Ну, это несложно. Подкинем ему через кого-нибудь информацию, что там бесплатно, и специалисты отличные, к примеру. Мы уже сто раз так делали.

– Что за контора? – с любопытством спросил Костик.

– Да ее наши отставники организовали, – вступил в разговор Сергеев. – «Организация независимых экспертов» называется.

– Ну, организовали, и что? – не понял Костик.

– А то, – решил внести в разговор свою лепту Ванин. – Приедет он к ним снимать побои, а его там отмудохают по полной программе еще разок. Будет в медицинском кабинете летать от стены к стене, пятый угол искать. И напишут ему в заключении, что никаких повреждений у него не имеется. Или что он сам упал.

– Ни хрена себе, – сказал Костик и обвел коллег недоверчивым взглядом, подозревая, что его разыгрывают. – А зачем им это?

– А ты думаешь, если наши вышли на пенсию, так они уже и размяться не хотят? – насмешливо спросил Приходько. – Плюс еще слупят с него за свою экспертизу денег по двойному тарифу. Тогда он враз забудет, как на ментов наезжать.

– Они вообще здорово нам помогают, – подтвердил Сергеев. – Нам одного хмыря за соращение малолетки посадить надо было, а ей, ну, дуре этой, восемнадцать уже исполнилось. Вот мы и отправили ее на освидетельствование к нашим независимым отставникам.

– И что? – поторопил Сергеева Костик, которого очень интересовали все эти случаи на половые темы.

– Ну и посадили мы того наглого кадра, – сказал Сергеев. – И именно по той статье, по которой хотели.

– Но как? – искренне недоумевая, воскликнул Костик. Отхлебнув из бокала, он ждал продолжения. – Как это возможно, если ей восемнадцать исполнилось?

– А вот слушай... Ей действительно было восемнадцать. Но это номинально, по паспорту, поскольку у человека некоторые органы зачастую отстают в развитии. Вот наши эксперты и выяснили, что у нее отстают в развитии именно органы половые. Им всего шестнадцать оказалось. А поскольку этот фрукт драл ее непосредственно в эти органы, значит, имело место изнасилование несовершеннолетней. Что и требовалось доказать.

– Ни хрена себе, – повторил искренне пораженный услышанным Костик. Он до такого и не додумался бы никогда. Какие ушлые, оказывается, работают в органах ребята. А ведь он всегда считал себя неглупым парнем, вон ведь и милицейскую школу закончил с медалью...

– Вот тебе и ни хрена, – сказал Сергеев. – Тебе еще многому предстоит научиться, лейтенант... Ну что, еще по одной?

Глава 7. Рабочие будни. Дело душиителя из лесополосы

«При выявлении противоправных действий и их пресечении сотрудник должен объяснить правонарушителю, если позволяет обстановка, в тактичной и убедительной форме причину обращения к нему; давать разъяснения правонарушителю о неправомерности его действий без правоучений, доброжелательно, убедительно и ясно, со ссылкой на соответствующие требования нормативных правовых актов».

Из статьи 9 «Правила поведения при выполнении задач оперативно-служебной деятельности».

Кодекс профессиональной этики сотрудника органов внутренних дел РФ.

– Сколько ты уже в нашем в отделе, лейтенант? – задумчиво спросил Сергеев.

Он поставил локти на стол, а подбородком уперся в сложенные ковшиком ладони, отчего у него смешно деформировались щеки. Взгляд его был направлен на Костика. Была минута затишья, и Ванин включил электрический чайник, намереваясь попить кофе.

– Месяца два, – осторожно сказал Костик. – А что?

– Месяца два, – задумчиво повторил за ним капитан. И помолчав, так же задумчиво сказал: – А поднимать раскрываемость товарищам не помогаешь.

– Это как это! – опешил Костик. – Это как это? – с возмущением повторил он, не дождавшись от Сергеева ответа.

Сергеев, которого мучило жесточайшее похмелье, некоторое время пилился на него, не говоря ни слова, затем перевел взгляд на Приходько.

– Объясни, а? Что-то мне сегодня не до воспитательной работы.

– Ага, а мне, типа, до нее, – проворчал тот. – Пусть Ванин объяснит. Он сейчас кофе выпьет, взбодрится, ему в самый раз будет.

– Завидно? – бросил тот. Он снял с подставки закипевший чайник, залил воду в объемистую кружку, и по кабинету разнесся характерный аромат. – У меня и бутерброды есть, – похвастался Ванин. Он открыл ящик стола, извлек оттуда промасленный сверток, бросил его на столешницу и предупредил: – Только не кланчить, мне самому маловато будет. Жрать уж больно хочется.

– Мне бы пива, – мечтательно сказал Сергеев.

– Нужны мне твои бутерброды, – сглотнув слюну, проворчал Приходько.

– Так когда ты мне объяснишь? – спросил Костик, заставив себя отвести взгляд от бутербродов. Еще бы как-то изолировать себя от их запаха, вот только как. Не зажимать же, черт побери, нос... Костик испытывал зверский аппетит, а сделать и захватить на работу подобные бутерброды не сподобился. Денег на обед в кафе у него не было, а занимать он не хотел. – Так что? – поторопил он жующего Ванина, стараясь не обращать внимания на назойливо преследующий его запах котлет.

– Знаешь, – проговорил с набитым ртом Ванин, – я лучше ничего объяснять не буду, я лучше наглядно тебе все покажу. Лады?

– Лады, – согласился Костик. – А когда?

Ванин отхлебнул кофе, проглотил, и сказал уже членораздельно:

– Как только представится случай...

После обеда опять навалилась рутина. Сергеев допрашивал какого-то хлыща, подозреваемого в организации игорного притона, Приходько работал со свидетелем по делу об ограблении магазина оргтехники, а Ванин разговаривал с детиной, подозреваемым в убийстве собственной жены. Костику же, как всегда, достался самый отстой. Молодой наркоман, ста-

щивший у соседки ее пенсию, потом сопляк, обложивший данью товарищей по школе, потом какой-то мутный персонаж, задержанный милицейским нарядом за приставание к женщинам на улице.

– Покрути его на те убийства в лесополосе, – шепнул в какой-то момент подошедший Сергеев, склонившись к его уху. Костик кивнул. Две женщины были задушены в подотчетном их отделу районе собственными колготками. Из денег и ценностей убийца ничего не взял, изнасилованию жертвы не подвергались, так что, судя по всему, на их участке объявился самый настоящий маньяк.

– Значит, говорите, Вострецов Николай Сергеевич.

– Вострецов.

– Зачем приставали к женщинам на улице?

– Ну, так, просто... – буркнул мужичонка. – Познакомиться хотел.

– Хорошо, так и запишем... А где вы, говорите, провели ночь с... – Костик быстро заглянул в листочек, – с двадцать пятого на двадцать шестое этого месяца?

– Ну, дома был, – безразлично сказал невысокий ростом мужчина лет тридцати, чисто выбритый, аккуратно одетый, и какой-то бесцветный; по мнению Сергеева внешностью в самый раз годящийся в кандидаты на психически неуравновешенную личность, душащую женщин в лесополосе их собственными колготками.

– Кто-нибудь может это подтвердить?

– Я живу один, – буркнул Вострецов. Он смотрел куда-то в сторону, и Костика почему-то это раздражало, как раздражало бы и в том случае, если бы он смотрел на него. Костик вообще заметил, что после двух месяцев работы в отделе у него явственно расшатались нервы.

– Кто-нибудь может это подтвердить? – спросил Костик, и Вострецов едва ли не впервые посмотрел ему в глаза.

– Что, простите?

– Я спрашиваю... – Костик прокашлялся. – Я хотел спросить... – Он окончательно запутался и, не зная, как выйти из дурацкой ситуации, полез в ящик стола, якобы отыскивая какую-то бумагу.

В этот момент к его столу с лентой подрулил отпустивший своего детину Ванин.

– Да что ты с ним вообще разговариваешь? – внезапно спросил старлей и с такой силой врезал с любопытством поднышавшему на его голос голову мужичку, что он упал вместе с недавно отремонтированным стулом – нового Костик от завхоза так и не дождался. Стул опять немедленно развалился на запчасти, а Ванин, неожиданно избавившийся от лент, пнул мужичка под ребра. – Встать, сволочь! – заорал он, покраснев от натуги и сверля пытающегося подняться клиента злобным взглядом тоже покрасневших глаз. – Сколько ты баб задушил в лесополосе? – через секунду, схватив вставшего подозреваемого за грудки и притянув к себе, прокричал он ему в ухо. И тут же, не дожидаясь ответа, с силой оттолкнул мужичка от себя. – Стул еще поломал, сволочь, – так же неожиданно успокоившись, как перед этим возбудился, проворчал Ванин, и, как ни в чем не бывало, удалился на свое рабочее место.

Костик быстро собрал обломки злополучного стула, затем взял взаймы освободившийся стул у Сергеева, и поставил его перед мужичком.

– Садитесь, – довольно любезно предложил он, ломая голову, что означал только что произошедший выход Ванина. Вострецов осторожно присел. Он потирал стремительно вспухающий глаз и опять смотрел куда-то в сторону. – Так на чем мы остановились? – спросил Костик и, не получив ответа, протянул допрашиваемому массивную стеклянную пепельницу. – Вот, приложите, она относительно холодная... – Мужичонка, поколебавшись, принял у него пепельницу, приложил ее к глазу и опять стал смотреть в сторону окна. – Так сколько, говорите, женщин вы задушили в лесополосе? – спросил Костик и краем глаза уловил одобрительный кивок Сергеева.

– Я... – мужичок поставил пепельницу на стол и затравленно уставился на Костика. – Я не душил никаких женщин!

– Спокойно, гражданин, спокойно, – сказал Костик и даже приветливо ему улыбнулся, чем заслужил еще один одобрительный кивок от начальства. – Не надо так волноваться... Значит, говорите, вы не душили никаких женщин? – И записал что-то в протоколе.

– Именно так, – сказал мужичок.

– Но познакомиться с женщинами хотели.

– Ну, хотел.

– Да что ты с ним сюсюкаешь! – внезапно заорал как-то незаметно приблизившийся Ванин и сбоку врезал мужичку так, что тот опять кувыркнулся вместе со стулом. Все было, как и пять минут назад, за исключением того, что на сей раз стул выдержал. – Встать! – Ванин ткнул его ногой в бок и Вострецов, кряхтя, кое-как поднялся, по-старчески цепляясь за стол. Вокруг второго его глаза стремительно разрасталась опухоль. Ванин так же тихо ушел, а Костик машинально, без слов, сунул клиенту пепельницу, которую тот так же молча, уже почти привычно, принял.

– Так каким, говорите, способом вы душили женщин? – спросил Костик.

– Я не... – вскинувшись, начал было Вострецов, но покосился на Ванина и уменьшил звук вдвое. – Я не душил никаких женщин, – закончил он.

– А где вы были, – Костик заглянул в листочек, – в ночь с двадцать пятого на двадцать шестое?

– Дома.

– Это может кто-то подтвердить?

– Нет.

– Вы живете один?

– Да.

– Та-а-ак... – Не зная, о чем спрашивать дальше, Костик принялся барабанить по столу пальцами. – Значит, говорите, вы живете один.

– Спрашивали уже, – буркнул Вострецов.

– И все же, ответьте еще раз, – спокойно сказал Костик.

– Один.

– И в ночь... – Костик заглянул в листок, – с двадцать пятого на двадцать шестое вы находились дома.

– Дома.

– И подтвердить это никто не может.

– Не может.

– Да что ты с ним вообще разговариваешь! – внезапно рявкнул голос Ванина прямо над ухом Вострецова, и не успел тот отпрянуть, как был сбит на пол вместе со стулом мощным ударом в оплывший глаз...

– Итак, – сказал через некоторое время Костик, подавая подопечному пепельницу, – в ночь с двадцать пятого на двадцать шестое вы были дома.

– Дома, – простонал Вострецов.

– А каким способом вы душили женщин?

– Я не... – Вострецов повернул голову, посмотрел заплывшими глазами-щелочками на Ванина, и неуверенно кивнул.

– Что вы «не»?

– Я не... – Вострецов опять покосился в сторону Ванина, заметил, что тот стал подниматься, и торопливо сказал: – Пишите. Я, Вострецов Николай Сергеевич, делаю чистосердечное признание.

Ванин опять брякнулся на свое место и, уставившись в дисплей, принялся раскладывать пасьянс. Приходько посмотрел на Сергеева.

– По пиву? – негромко сказал тот.

– Можно, – без колебаний согласился старлей. – А можно и чего покрепче. – И добавил деловито: – Чего сидим?

– Да пусть лейтенант, – Сергеев кивнул на всюю что-то строчащего Костика, – маньяка оформит, тогда все и пойдем. Как ни крути, у человека первое раскрытие.

– Да еще какое, – крутанув головой, не без легкой зависти подтвердил Приходько. – Такое на всю жизнь запоминается.

Наконец Костик закончил писать, сунул протокол Вострецову и обвел коллег сияющим взглядом.

– Я проставляюсь, – торжественно сказал он. И тут же, спохватившись, добавил: – Только дайте мне кто-нибудь в долг, я потом верну.

Когда все двинулись к выходу, подталкивая ссутулившегося Вострецова, раздался телефонный звонок. Сергеев сморщился, словно проглотил что-то очень горькое или кислое, и, неохотно вернувшись к столу, снял трубку.

– Капитан Сергеев у аппарата... – С полминуты он молча слушал кого-то, причем его кислая мина съевшего лимон человека постепенно превратилась уже едва ли не в выражение тоски обреченного, принявшего и вовсе смертельный яд, затем аккуратно возвратил трубку на место и тоном без каких бы то ни было интонаций сказал:

– Протокол на маньяка где?

– В столе, – растерянно ответил ничего не понимающий Костик.

– Дай сюда.

Не отвечая что-то спрашивающим коллегам, Сергеев дождался, когда Костик извлечет из сейфа тощую папку с протоколом допроса Вострецова, затем, не без брезгливости взяв его в руки, быстро пробежался глазами по тексту и аккуратно порвал исписанный лист на четыре части. Отправив бумажные клочки в мусорное ведро, он так же без выражения сказал:

– Ну, чего уставились? Закрывайте дверь и пошли обмывать это дело. Маньяка из лесополосы поймали на месте преступления.

– А... – Костик несколько раз беззвучно открыл и закрыл рот. – А с этим что?

– С этим? – Сергеев смерил воспрянувшего Вострецова оценивающим взглядом и пожал плечами. – Этого на выходе сдадим ППС-никам. Пусть хорошенечко его отп... здят и сунут до утра в «обезьянник».

– Но за что! – не веря своим ушам, воскликнул Вострецов.

– К бабам приставай? – невозмутимо поинтересовался Сергеев. И больше не глядя на вновь обмякшего задержанного, бросил такому же сникшему Костику: – Давай, лейтенант, шевели батоном. Кто-то, кажется, обещал проставиться...

Домой Костик возвращался в на редкость дурном настроении. Спиртное не только не смягчило огорчения от развалившегося в одночасье, так успешно распутанного дела, но даже усугубило мерзостное душевное состояние – он совершенно не переносил алкоголь. В какой-то момент, почувствовав, что в любую секунду может блевануть, Костик расплатился с шофером и вылез из такси. Лучше пройти оставшееся расстояние пешком, проветриться.

На воздухе ему действительно полегчало, зато тут же возникло нестерпимое желание помочиться. Стоя в кустах возле пешеходной дорожки, с шумом исторгая из себя переработанную водку, увлекшийся своими мыслями Костик вздрогнул, услышав чей-то дребезжащий голос:

– Сколько время, молодой человек, не подскажете?

От неожиданности у Костика сжалось что-то внутри, отчего струя стала совсем вялой, свободной рукой он схватился за кобуру, вспомнил, что оставил пистолет в сейфе, и только

тогда медленно развернулся. Перед ним на освещенной асфальтовой дорожке спального микрорайона стоял старик с прижатой к уху рукой. Второй рукой он опирался на палку. Некоторое время Костик всматривался в отвратное, с крючковатым носом, лицо пенсионера в старом, еще советского фасона плаще, затем принялся прокачивать его по методу СМЕРШ-евцев из своей любимой книги.

Так, что мы имеем... Прикидывается, что совсем старый и плохо слышит. Однако подкрался при этом сзади, бесшумно, и, если б захотел, мог бы запросто садануть Костика своей железной клюкой, на которую сейчас опирается. Интересно, кто он на самом деле? И чего хочет? Оружия у него вроде бы нет, это уже хорошо. Так, кого-то он напоминает... Нефедов, скупщик краденого? Нет, Нефедов лет на десять моложе... Рука Костика лихорадочно дергала язычок молнии на ширинке, которая почему-то не застегивалась. Панков? Нет, Панков сейчас сидит. Качай, лейтенант, качай... Морщинистое лицо, рост примерно метр семьдесят пять, глаза широко расставлены, нос большой, с горбинкой... Фальшивомонетчик Блументаль? Нет, Блументаль умер в прошлом году. Так, лет ему где-то около семидесяти... Поршнев? Либензон? Манкевич? Нет, Манкевич убежал за границу. Левченко? Левченко тоже умер года два назад, да и ростом Левченко был пониже. Так, какие еще были ориентировки... Демьяненко? Демьяненко завязал, последняя судимость погашена... Кажется, просто прохожий, – подумал Костик и даже испытал от этого легкое разочарование. Просто старый остолоп, не иначе... Он наконец справился с ширинкой и решительно вышел на асфальтовую дорожку.

– Что вы сказали? – строго спросил он.

– Сколько время, спрашиваю, сынок, – не отрывая сложенной в трубочку ладони от уха, повторил старик.

– Во-первых, не время, а времени, – сказал Костик, разглядывая старика с чувством превосходства и думая, что мог бы запросто свалить его прямым ударом в печень. Вон, старый стоит совершенно раскрытым, начисто позабыв о маломальской защите. – Русский язык в свое время лучше учить надо было... А во-вторых, чего ты тут по ночам шляешься, старый мудозвон?

– Чего? – переспросил старик.

– Я говорю, иди домой! – громко сказал Костик, подумав, что всего два месяца назад был таким наивным и мягкотелым, что, вместо того чтобы сразу послать старого раздолбая на хер, принялся бы шарить по карманам, ища мобильник, чтобы подсказать этому выжившему из ума маразматiku время. Нет, служба в милиции все же закаляет, делает мудрее, – подумалось ему.

И Костик, не оборачиваясь, быстро пошел по направлению к своему дому, с тоской думая, что ему еще предстоит объясняться с Аделаидой Вильгельмовной, которая почему-то решила взять его под материнскую опеку и контролировала время его возвращения домой, разве что в трубочку не заставляла дышать. А вот ее он послать пока не решался... Вдуть бы ей, – подумалось Костику, но мысль не получила развития, хотя член моментально отвердел. Нет, пожалуй, все-таки старовата, сволочь. Ему бы ровесницу. Да только где ему при такой работе найти девчонку, если возвращаешься каждый день затемно.

Вот тебе и Мухтар, – подумалось вдруг Костику, когда он уже входил в подъезд. С такой работы любой Мухтар через месяц сбежал бы, а мы держимся. Мы, опера...

Глава 8. Рабочие будни. Признание бандита Крутикова

«В речи сотрудника неприемлемо употребление грубых шуток и злой иронии; неуместных слов и речевых оборотов, в том числе иностранного происхождения; вульгаризмов, примитивизмов, слов-„паразитов“».

Из статьи 11 «Культура речи».

Кодекс профессиональной этики сотрудника органов внутренних дел РФ.

Костик сидел, клюя носом и радуясь, что народу сегодня мало. Черт, только бы не было выезда, а то он уснет прямо на каком-нибудь задержании. Ну вот на кой, спрашивается, хрен ему нужно было полночи смотреть эту Анфису Чехову? А все оттого, что он сова. Вечером не уснуть – утром не встать...

А сон, кстати, у него крепкий и здоровый, и это тоже не есть хорошо. Милиционер должен не спать, а забываться тревожным сном. И это очень важно, чтобы сон был тревожным, а иначе какой же ты милиционер...

Едва не засыпая, Костик кое-как разобрался с потерпевшей старушенцией, пустившей в свою квартиру фальшивого работника социальной службы, допросил свидетеля ограбления бензоколонки предположительно залетными отморожками, и с облегчением вздохнул, радуясь небольшой передышке. Если повезет, может, удастся пару десятков минут подремать, подперев щеку ладонью и делая вид, что изучает какой-нибудь документ. Ванин, вон, тоже вовсю борется со сном, Приходько щелкает мышью, наверняка разглядывая грудастых порнозвезд, и только Сергеев разговаривает с каким-то стариком.

Костик присмотрелся, но так и не понял статуса этого старика в старомодном костюме с нелепым, не сочетающимся по цвету с рубашкой галстуком. Старик вел себя довольно уверенно и, если Костика не обманывало зрение, едва ли не выговаривал что-то опустившему голову Сергееву. Да нет, конечно, чепуха это. С чего бы какой-то старый хрыч вдруг станет выговаривать оперу, которого боялись даже бандиты – слава Сергеева подобно ветру обгоняла своего владельца... Костик прислушался, но уловил только монотонное журчание старческого голоса – эти двое разговаривали слишком тихо. Сергеев ничего не записывал, значит, разговор был неофициальным. Осведомитель, что ли? А что, похоже. Не из секретных, с которыми встречаются конспиративно, а так, на уровне хорошо информированного сплетника. Таких в их работе тоже предостаточно, и порой от них бывает немало пользы.

Костик опять слегка клюнул носом и, заставив себя собраться, посмотрел в сторону Приходько. Тот уже оставил компьютер и сейчас разговаривал с каким-то здоровенным, бритым на лысо хмырем. Хмырь был обряжен в джинсовый костюм, а на его бычьей шее болталась золотая, толщиной под стать этой шее, цепь. Некоторое время, борясь со сном, Костик внимательно смотрел на Приходько, выжидая, не «маякнет» ли тот ему что-нибудь. Прошло несколько минут, но Приходько ни разу не посмотрел в его сторону, и Костик опять уставился в стол.

Теперь он уже знал, каким образом коллеги «помогают друг другу повышать раскрываемость», как выразился месяц назад Сергеев, поставив Костику на вид, что он почему-то этого не делает. Тогда Ванин достаточно наглядно показал, как эта товарищеская помощь осуществляется, запросто подсобив ему расколоть маньяка из лесополосы. Оказывается, в отделе существовала целая система «маяков», о которой Костику почему-то никто не удосужился рассказать в самом начале его трудового пути. Теперь это упущение было исправлено, и он назубок знал, в каких случаях эти «маяки» подаются, выучил сами знаки оповещения, и имел представление, в каких случаях помощь можно оказать по собственной инициативе, ориентируясь

на свои ощущения. К примеру, если клиент идет в глухой отказ и допрос заходит в тупик, а опер по каким-то причинам не хочет оказывать на подопечного физическое давление лично, то он дает условный знак, по которому в дело вступает коллега, классический «злой следователь». Именно так и сделал когда-то Ванин, после чего маньяк раскололся на раз, быстрее, чем гнилой орех.

Конечно, помощь заключалась отнюдь не только в физическом воздействии. К примеру, по условному знаку коллеги можно было подойти, положить перед ним какой-нибудь документ с печатью, и, многозначительно усмехнувшись, бросить, столь же многозначительно посмотрев на допрашиваемого: «Все, считай, клиент закрыт». Или изобразить фиктивный телефонный разговор, во время которого так же многозначительно смотреть на клиента и нехорошо усмехаться, вгоняя его в панику. А бросив трубку, подойти к производящему допрос коллеге и, шепнув ему что-нибудь на ухо, нехорошо рассмеяться, опять-таки многозначительно глядя на клиента, после чего «получивший информацию» коллега должен громко произнести что-то вроде: «Ну что, Сутулый, допрыгался?».

Все это походило на хитроумные СМЕРШ-евские комбинации из настольной книги Костика, и ему необычайно нравилось принимать в них участие. Это было как-то по-настоящему, это было именно тем, из-за чего он и решил в свое время податься в уголовный розыск.

Внезапно Костик засек, что на него косится Сергеев, и быстро отогнал сон. Так, что там у него... Ага, Сергеев отвел взгляд – кажется, все нормально, помощь не требуется. Нет, вот опять посмотрел... Ага, вот он прищурился. Подмигнул он или Костику показалось? Нет, кажется, точно подмигнул... Ну да, старик-то, вон как оборзел! Его голос стал громче, и, хотя по-прежнему ничего нельзя было разобрать, он говорил капитану явно что-то неприятное. Оставалось только гадать, чего с этим стариканом церемонится сам Сергеев. С другой стороны, мало ли какую оперативную игру мог затеять его начальник. Может, ему надо, чтобы было именно так.

Костик с негромким стуком отбросил ручку, поднялся, и с нарочитой ленцой и таким же кряхтеньем потянулся, разминая затекшие члены. Затем вышел из-за стола, подошел к столу Сергеева и, брезгливо оглядев поднявшего голову старикана, тягуче, с блатными интонациями, сказал:

– Да что ты с ним вообще разговариваешь?

И слишком поздно уловив искреннее недоумение на лице Сергеева, слишком поздно уловив краем глаза, как он вскакивает с каким-то, что ли, странным испугом, саданул старику промеж глаз так, что тот традиционно кувыркнулся вместе со стулом и затих – по-другому в их кабинете не били.

В следующий миг кабинет заполнил такой пронзительный крик Сергеева, что вздрогнули все. И два старлея, и детина в джинсовом костюме, и, естественно, находившийся к Сергееву ближе всех Костик.

– Ты ох... ел? – заорал капитан, выскакивая из-за стола с таким видом, что Костик на мгновение испуганно сжался – ему показалось, что сейчас Сергеев врежет ему точно так же, как он только что старикану. – Ты ох... ел, лейтенант? Это же мой тесть!

Ванин издал хрюкающий смешок и тут же зажал себе рот ладонью, Приходько, вытянув шею, просто таранился на происходящее, сияя, как надраенный рекламным средством чайник, а детина, которого он допрашивал, в голос, оглушительно заржал.

Не обращая на них внимания, Сергеев нагнулся и осторожно тронул бездыханного старика за лацкан пиджака, а Костик почувствовал, как между его лопатками пробежала горячая струйка пота.

– Я... я не знал... – пролепетал он, чувствуя, как бешено заколотилось сердце. Не убил ли он этого чертового тестя? Почему-то старик до сих пор лежал неподвижно, хотя, по расчетам

Костика, уже вроде бы должен был начать приходить в себя. Но кто мог знать, что это капитанов тесть!

– Чего застыл, помогай! – тем временем прошипел тот, и Костик, наконец, справился с охватившим его параличом. Вдвоем они осторожно подняли старикана вместе со стулом, уложили его грудью на стол, и Сергеев отошел в сторону, прикидывая результат проделанной работы. – Если что, он потерял сознание и уткнулся мордой лица прямо в стол, – обведя кабинет строгим взглядом, сказал он. И тут же взорвался: – Да успокой ты, наконец, этого уебка!

Приходько немедленно отвесил заливающимся хохотом амбалу звонкую затрещину, от которой тот тоже едва не оказался на полу. Но стоило ему раскрыть рот, чтобы возмутиться, к нему с угрожающим видом двинулся Ванин, а Приходько многозначительно приподнялся. Оценив ситуацию, детина выставил вперед ладони.

– Все, все, молчу...

– Вот и молчи, – прошипел Ванин, и, пройдя мимо амбала, остановился возле бледного как полотно Костика. – Ты чего, лейтенант, действительно охерел?

– Да я просто... – растерянно пролепетал Костик. – Да ведь Сергеев сам знак подал!

– Какой еще, в жопу, знак! – громыхнул тот, но тут злополучный старик пошевелился, застонал, и Сергеев, оборвав фразу, нагнулся к нему, изобразив фальшивую улыбку. – Сергей Петрович, что с вами? – заботливо спросил он, делая знак Ванину принести воды.

– А... что... со мной... – едва слышно прошептал тот.

Сергеев острым взглядом профессионала просканировал его глаза и, как показалось Костику, едва слышно выдохнул с облегчением.

– Вот это я и хочу узнать, – мягко сказал он. – Может, у вас давление скачет? Сегодня, вообще-то, день неблагоприятный. Магнитные бури, там, и вообще... И зря вы так переживаете, помирюсь я с Надюхой! Что у нас с ней, в первый раз, что ли... Да и не было ничего такого, подумаешь, поругались слегка. А вы ко мне через весь город... Не бережете вы себя.

Старик выпрямился на стуле и осторожно потрогал нос. Затем некоторое время недоверчиво рассматривал кровь на пальцах, и, наконец, сказал:

– Со мной такое впервые. Там, во внутреннем кармане, валидол...

Сергеев осторожно залез во внутренний карман его пиджака, извлек стеклянную трубочку и вытянул из нее резиновую пробку.

– Вот, Сергей Петрович... Может, вызвать «Скорую»?

Старик молча отмахнулся, опять осторожно потрогал нос.

– Саша, я на машине. Ты не мог бы...

– Да-да, конечно! – Засуетившийся Сергеев быстро собрал разложенные на столе бумаги, запер их в личный сейф, затем взял у старика ключи от машины и, зло зыркнув на Костика, помог старику подняться. Осторожно поддерживая под локоть, он довел тестя до двери, и, уже выходя в коридор, незаметно для старика погрозил Костику кулаком.

Тот на ватных ногах добрал до своего места и так брякнулся на стул, словно из его нижних конечностей резко выдернули кости.

– Ну, ты даешь! – весело сказал быстро спровадивший своего амбала Приходько. Он не счел за труд наполнить водой стакан и принес его безвольно обмякшему Костику. Тот машинально принял стакан из его рук и выпил одним махом, как водку, чувствуя, как стучат о стекло зубы.

– Спасибо...

– Да-а-а уж... – прокомментировал произошедшее Ванин. Он переместился к столу Костика и, колебавшись, присел на стул перед ним. Приходько с пустым стаканом уселся прямо на стол. Некоторое время старлеи разглядывали Костика с преувеличенным сочувствием и молчали. Только в их глазах сверкали насмешливые огоньки.

– Чего уставились, – наконец не выдержал Костик. Его еще слегка трясло от пережитого. – Ни хрена он мне не сделает. Сам виноват. Маякнул глазом, вот я и...

– Ну-ну, – хмыкнул Приходько и вернулся за свой стол.

Ванин ушел молча.

Наконец вернулся Сергеев. Костик всеми доступными средствами изображал неимоверную занятость, только бы не смотреть в его сторону. Однако иногда краем глаза отмечал, что и Сергеев игнорирует его как личность. В какой-то момент Костик все же собрался было с духом вызвать капитана на разговор, но тут неожиданно в кабинет ввалился еще один амбал – почти близнец того, первого, с которым работал Приходько. Только на этом был не синий джинсовый костюм, а черные вельветовые брюки и майка с какой-то надписью на английском. Все остальное – цепь, толщина шеи, выражение и габариты откормленной морды лица – все было один к одному.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.